РОВЕСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

№ 4/84
Апрель

ISSN 0131—5994

22 апреля—114 лет со дня рождения В. И. Ленина

Ленин проходит по белому свету,
Проходит, не зная границ и преград.
Как будто казарм и полиции нету,
Колючей проволоки и баррикад.

Ленин проходит по белому свету,
Черным, и желтым, и белым друг.
Язык — не помеха пройти планету,
В Ленина верят все люди вокруг!

Ленин проходит по белому свету...
Раной закат пламенеет всегда,
А в сумерках, ночью, ближе к рассвету,
Восходит красное пламя — звезда!

Лэнгстон ХЬЮЗ,
США

* * *

Доску классную сначала
дай, товарищ,
дай мальчишке из рабочего квартала
доску для начала.

Дай мальчишке из квартала,
мой товарищ,
мел краснее киновари,
вынь мальчишке из пенала
перья тонкого металла,
дай букварь в обложке алой,
чтоб читал он и писал,
мой товарищ.

Что за слово написал он!
«Ленин» — на доске стояло.

Рафаэль АЛЬБЕРТИ,
Испания

БУДАПЕШТ. Бюро ВФДМ обратилось к членским и дружественным организациям с призывом выступить в поддержку инициативы Ленинского комсомола о проведении XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов летом 1985 года в Москве и развернуть активную национальную и международную подготовку к этой крупнейшей акции демократической и прогрессивной молодежи.

ПРАГА. В штаб-квартире Международного союза студентов состоялась пресс-конференция, посвященная инициативе Ленинского комсомола провести XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве. Президент МСС М. Штепан сообщил о единодушном решении Секретариата МСС поддержать инициативу ВЛКСМ и сделать все необходимое для мобилизации студентов планеты на успешную подготовку и проведение молодежного форума. М. Штепан выразил уверенность, что XII Всемирный фестиваль выльется в мощную манифестацию приверженности молодежи и студентов планеты делу мира, дружбы и международной антиимпериалистической солидарности.

ДЕЛИ. Представители молодого поколения Индии горячо приветствуют предложение ВЛКСМ о проведении в Москве в 1985 году XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов, говорится в опубликованном здесь совместном заявлении Демократической федерации молодежи Индии и Студенческой федерации Индии. Мы убеждены, подчеркивается далее в заявлении, что фестиваль станет яркой демонстрацией единства и солидарности юношей и девушек разных стран в борьбе против войны, за прочный мир.

ЛИМА. Генеральный секретарь ЦК Перуанской коммунистической молодежи Хесус Манья Салас заявил: «Сомнений нет: среди всех активистов фестивального движения инициатива Ленинского комсомола провести XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов в столице СССР будет встречена с энтузиазмом. По опыту подготовки к предыдущим все-

мирным форумам мы знаем, что сама работа, предшествующая фестивалю, способствует сплочению молодежи. В нашей стране мы рассматриваем перспективу предфестивальной работы как отличную возможность для консолидации молодежного движения в Перу».

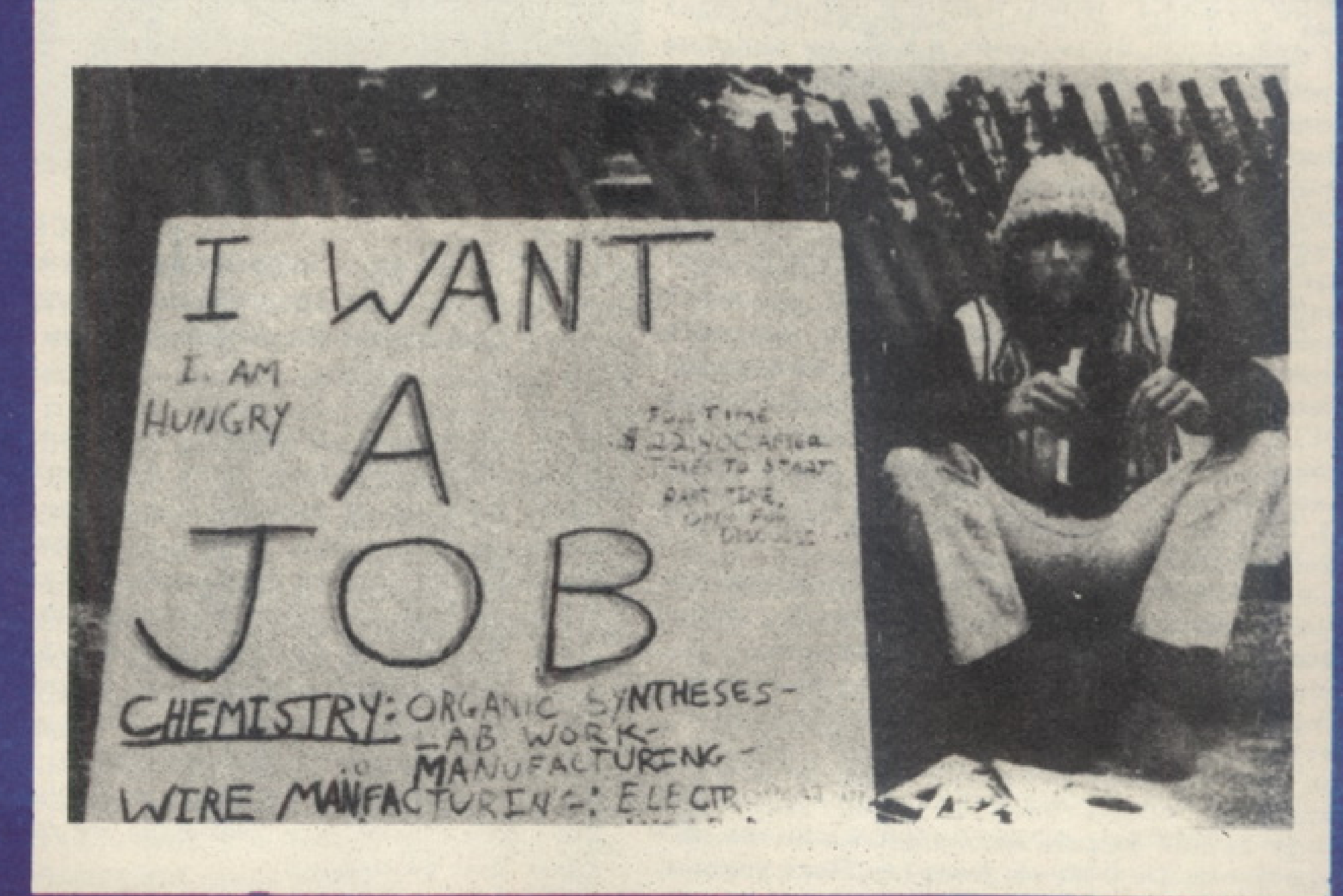
ХАНОЙ. Хо Ань Зунг, секретарь ЦК Союза коммунистической молодежи Хо Ши Мина, выступая перед молодежью, сказал: «В нынешней сложной обстановке прогрессивная молодежь планеты должна всемерно укреплять свои ряды в борьбе против угрозы войны. Значительный вклад в это благородное дело вот уже многие годы вносит фестивальное движение. Вот почему юноши и девушки социалистического Вьетнама с большой радостью поддерживают предложение провести очередной XII фестиваль в 1985 году в столице Советского государства.

Уже сегодня мы начинаем подготовку к этому крупнейшему форуму молодежи. По всей стране, в каждом трудовом и учебном коллективе СКМ Хо Ши Мина ведется пропаганда идей и целей фестивального движения. К фестивалю готовятся молодые поэты и ученые, рабочие и крестьяне».

ХЕЛЬСИНКИ. Центральное правление молодежной организации партии Центра Финляндии — Союза молодого центра страны — поддержало инициативу ВЛКСМ о проведении XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве.

Союз молодого центра считает, что в условиях обострившейся международной обстановки все усилия, направленные на укрепление мира и разрядки, на достижение разоружения и международной солидарности, являются значительными. Молодежная организация партии Центра выражает надежду на то, что фестиваль, который состоится в год десятилетия подписания Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, пройдет в духе доверия и взаимопонимания.

Прогрессивная молодежь планеты приветствует инициативу ВЛКСМ о проведении XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов в МОСКВЕ

На снимках: (вверху) *выступление молодежного хора из города Варны (Болгария) на традиционном VII Международном фольклорном фестивале в чехословацком городе Страконице;* **(в центре)** *так безработный выпускник американского вуза предлагает свои услуги: «Я голоден. Я хочу работать: химия, органический синтез (в лаборатории или на производстве), радиотехника, любая работа»;* **(внизу)** *«Мы не хотим, чтобы наш континент стал новой Хиросимой!», «Нам нужна работа, а не «Першинги»!» — под такими лозунгами проходят демонстрации по городам Европы.*

Мы пробыли в Афганистане три недели в прошлом году. После возвращения мы принялись писать статьи для португальской коммунистической газеты «Аванте!». Мы опубликовали девять статей, довольно крупных для газеты. Мы не считаем, что то, что мы видели, и то, что мы узнали, побывав в Афганистане, есть какое-то открытие и что мы написали совершенно неожиданные вещи. Но для португальского читателя нужно было написать как можно больше и подробнее о том, что через пять лет после совершения революции 27 Саура, то есть апреля, 1978 года страна продолжает идти намеченным революцией путем и делает успехи. Для читателя буржуазной прессы эта простая мысль или, вернее, факт требует доказательств. А мы видели.

«НАША СТРАНА АФГАНИСТАН, И НАРОД В НЕЙ НАЗЫВАЕТСЯ АФГАНЦЫ»

Жузе СЕРРА,
Домингуш МЕАЛЬА,
португальские студенты
факультета журналистики МГУ

1. В Кабуле

В Кабуле нет небоскребов, но мы и не думаем, чтобы Кабул в небоскребах нуждался. Возможно, в Кабуле никогда не будет небоскребов, и через несколько лет приезжего иностранца этот город будет удивлять тем, что он такой, какой он есть: в основном двухэтажный, трудноразличимый с самолета, идущего на посадку, коричневый, прижавшийся к жаркой земле, и сам в большинстве земляной — ну то есть восточный, наверное! Кабул взбирается по склонам гор. В первый день мы пошли на базар, где оглохли и ослепли от шума и красок восточного базара. И тут будет кстати сказать об удивлении.

Революция готовилась отпраздновать круглую дату — пятилетие. Сейчас важно прежде всего заметить, что нового происходит в жизни этой страны, которая почти внезапно оказалась в центре внимания и надолго сделалась темой для журналистов. В стране строятся заводы, проводится в жизнь аграрная реформа (мы, в Португалии, прекрасно знаем, как много значит провести аграрную реформу, и, главное, удержать, закрепить в жизни достижения реформы!) и начинается борьба с неграмотностью. Всякий человек, желающий добра этому народу, в первую очередь ищет перемены. Но в будущем, кажется нам, когда перемены станут обычным явлением для Афганистана, когда все поймут: эта страна никогда не вернется к прошлому, сколько ее ни пугай, сколько ни стреляй в нее, ни целься,— тогда станет важно заметить и неизменное, то, что делает лицо этой страны и лицо народа. Тогда — и, наверное, насовсем — Афганистан станет для увидевших его хитроумным и разумным сплетением старого и нового. Нового, которое уже не нужно будет охранять с оружием в руках, и старого, которое нужно будет беречь, ибо это многовековая культура и старые добрые традиции. Мы еще не увидели такого согласия. Но мы видели, что дело идет к нему. Есть военные «джипы» на улицах. И есть нарядные девушки, которые выросли без паранджи. Есть паранджа — там, дальше в нашем рассказе она мелькает! — и есть книга в руках, высунувшихся из-под паранджи. Есть восточный город Кабул. И по его выросшим будто из самой земли улицам идут афганские ребятишки, пионеры. Им никто не удивляется. На них не засмотрелся уличный брадобрей, с помазком наготове он ищет в толпе заросшего клиента, и пионеры не отвлекают его внимания.

После такого вступления надо пройтись по базару, где мешки с рисом взгромоздились на мешки с рисом, где фрукты и старые вещи, где новенькое и рухлядь, где душно и весело, где хочется купить, откуда хочется бежать,— вечный базар. Но мы не будем описывать его подробно. Кроме базара и магазинов, чрезвычайно необходимых в столице, потому что в столицу беспрерывно тянется поток людей из провинций, и некоторые задерживаются здесь надолго,— в Кабуле несколько промышленных предприятий, и сегодня эту черту Кабула попрежнему необходимо отметить: текстильный, автомеханический и домостроительный комбинаты (домостроительный возведен при помощи СССР) работают и дают работу пяти тысячам человек. Электричества порой не хватает. Также все еще не хватает рабочей силы. Это черты времени, которые надо запомнить нынешним пионерам, чтобы потом было что рассказать детям. Итак, электричество и рабочие

руки. Но рук становится все больше. Многие из тех, кто приезжает в Кабул из отдаленных мест, хотят здесь остаться и жить — Кабул кажется им раем. Во-первых, этот город был первым освобожден от страха перед душманами (о страхе, вернее, о том, как проходит страх,— отдельная глава), ну а потом, как нам показалось, общие перемены захватывают и отдельного человека. Он начинает думать, как бы переменить всю свою жизнь. Он приезжает в Кабул и идет на завод, хотя совершенно не представляет себе работу на заводе. Такие люди — интересные люди. Они есть и в деревнях. Они обнаруживаются в любой стране, где, совершается революция. Они ее признак и символ одновременно. Нахмурившись, они исследуют столицу и приближаются к заводу так робко, как никогда не шли в мечеть. Рабочий класс Афганистана формируется день за днем. При электрическом свете, подача которого иногда прерывается по разным причинам, разворачивается производственный процесс, а с ним и перемены в сознании новых рабочих. Дисциплина, коллектив, общий успех — эти понятия могут существовать в Кабуле или в другом городе, но не существовать в глубине провинции... пока еще. Да, ясно, что Кабул есть столица Саура, столица преобразований. Это можно показать на многочисленных примерах. За очень короткий отрезок времени население столицы значительно увеличилось и теперь достигает почти полутора миллионов.

— Когда мы ликвидируем банды... когда мы их сотрем в порошок,— это мы слышим от многих наших ровесников из ДОМА.

ДОМА — организация, которая пригласила нас посетить Афганистан. Ребята из Демократической организации молодежи Афганистана всюду сопровождали нас в поездке по стране. Мы постоянно слышали эту фразу: «Когда мы их сотрем в порошок...» Это говорит о том, что душманы — банды, нанятые и обученные империалистами, чтобы, наводя страх, мешать всему новому в жизни афганцев, в частности проведению земельно-водной реформы,— что эти банды остаются проблемой страны. И в то же время — «Мы сотрем их в порошок!» — тон, которым это произносилось... Страха нет.

2. Страха нет

Сначала нам казалось, что необходимо прежде всего рассказать о том, как продолжается борьба с неграмотностью населения. Всем известна поразительная и ужасная для нашего века цифра: революции, произошедшей в Афганистане, вкупе с остальными пережитками, досталось и такое наследие: девяносто пять процентов неграмотных среди мужчин, девяносто семь — среди женщин. Мы ходили по школам и написали о школе. Но сейчас, заново рассказывая, мы подумали, что все равно важнее это: СТРАХА НЕТ. А страх — было время — был. Мы это знаем об Афганистане. Страх был самым главным оружием врагов Афганистана, самой сильной их картой, самой «верной ставкой». Они провалились и теперь проиграли во всем.

Немного истории, как говорится.

В 1928—1929 годах на границах Афганистана действовал полковник Лоуренс, один из самых известных английских шпионов на Ближнем Востоке. В тридцатые годы Германия и Италия, а также Япония приложили все усилия, чтобы вывести монархический Афганистан из состояния нейтралитета. Генеральный штаб Гитлера рассматривал эту страну как возможный театр военных действий против СССР. 1950 год. Разгар «холодной войны». Американский журнал «Каррент хистори»: «Интерес, который проявляют США по отношению к Афганистану, находится в прямой зависимости от планируемого наступления против России». 1955 год. «Нью-Йорк геральд трибюн» об Афганистане: «Сегодня мало мест на земном шаре, которые бы так сильно привлекали внимание военных руководителей и политиков Соединенных Штатов...» В июне 1978 года, спустя два месяца после революции (если раньше монархический Афганистан следовало лишь «приручить» и использовать против, к примеру, революционной России, СССР, то теперь опасность мировому империализму грозила уже из самого Афганистана: еще одна революционная страна!..), верховное командование НАТО обсуждало события в Афганистане и их значение для... США. Спустя девять месяцев после такого симпозиума и, теперь ясно, согласно его решениям, в Пакистане были образованы двадцать центров подготовки бандитов для борьбы против революционного Афганистана и пятьдесят военных баз, на которых было собрано около тридцати тысяч наемников. Еще позже Рейган произнес «зажигательную» речь в защиту афганских «патриотов», подтвердив тем самым, что интерес США к Афганистану не ослабевает, а растет, приобретая все более очерченную форму необъявленной войны против Афганистана. Если углубляться в историю — а это необходимо сделать и сегодня, когда революция празднует свое продолжение, развитие, явную победу,— то история грубого иноземного вмешательства в жизнь Афганистана насчитывает сто лет, а первое вторжение англичан на территорию страны (потерпевшее, кстати, полное поражение!) было в 1838 году. Все эти даты уже попали, видно, в школьные учебники на языках пушту и дари, но империалисты не успокаиваются: уж так Афганистан удобно для них расположен, что его революционное развитие задевает империалистические интересы даже за океаном.

Почему страх был главной картой в войне против Афганистана? Почему теперь, когда страх проходит, прошел, можно констатировать еще одно поражение врагов Афганистана? Потому что никогда прежде — это наше убеждение — пропаганда врагов здесь не адресовалась народу. Когда англичане установили свой протекторат над Аф-

ганистаном, они использовали слабость режима эмира Абдуррахман-хана, а не слабость народного самосознания, потому что слабость или сила эмира имела значение, а народ безмолвствовал. Когда колонизаторы устанавливали индо-афганскую границу по так называемой «линии Дюранда» и оторвали от своих соотечественников и своей родины несколько миллионов афганцев — и это тоже досталось в наследство революции 27 Саура! — они не спрашивали мнения разделяемых семей, потому что это мнение не имело силы. И вот сила появилась. В темноте, в которой жил афганец, зажегся свет. Народ проснулся, народ получил землю — и даже самого темного, не умеющего написать, не имеющего порой (да, это так) своего имени афганца земля привязала к Апрелю. Он эту землю собирался защищать. (Афганцы всегда умели стрелять и защищаться.) Но страхом его можно было остановить. Так и пытались — страхом. Темного человека легко запугать. Ему можно объявить, что он нарушает заповеди религии, и он поверит, потому что не умеет размышлять над заповедями, приученный повиноваться мулле. Лозунг «В Афганистане в опасности ислам!» был самым опасным для революционного дела. Понадобилось время, чтобы доказать, что опасности нет. Банды наводили страх смерти: они были жестоки, как это невозможно представить себе в наше время. То, что они делали со школами, с учителями, с простыми людьми, обрабатывающими полученную землю, должно было распространять ужас... Испуганные люди бежали, покидая родину, в страхе. Они становились добычей лагерей беженцев на территории Пакистана — это было отличным местом для набора плохо соображающих от страха и собственной темноты людей в банды «защитников ислама». Эти лагеря — в них вспыхивали эпидемии, а люди боялись их покинуть.

Но и это меняется. Можно привести не один пример, как у людей, ушедших в «защитники», открываются глаза на то, как мало общего с исламом имеют их главари. Многие из тех, кто покинул родину, со временем узнали, что лучше всего вернуться и начать новую нормальную жизнь,— и они стали возвращаться. Возвращаясь, они рассказывали, какой пропагандистской обработке они подвергались, и какую ложь они слышали, и как эта ложь отличается от правды, которую они узнают сейчас,— так у народа открывались глаза. Было время тяжелых пере-

живаний для каждого человека в Афганистане. Время ломки представлений. Это время и сейчас идет.

Но главное — прошел страх. Он прошел, когда кооперативы научились защищаться; после первого же выигранного боя с бандитами, мы уверены, у многих страх прошел. После первого урожая страх прошел. После первого прочтенного слова страх прошел.

И этот страх не вернется никогда. Это точно! Мы это видели в Аргандабе, в Кандагаре, в Кабуле... везде мы видели людей, победивших страх. Это, конечно, останется в истории страны. И там же, в истории, для будущих поколений, будет написано, что было самым сильным оружием против страха. Кроме земли.

Это оружие — прочтенное слово.

3. От четырнадцати до сорока восьми

— Неграмотный человек хуже слепого, потому что он не видит своего народа.— Эти мудрые слова сказал обыкновенный афганец по имени Нур Ахмад. Нур Ахмад говорил через переводчика. Он сказал много слов. Переводчик сказал от его имени:

— Я раньше не мог учиться. Большая семья, детей в семье — братьев — было много. Нужно было работать.

Он не сказал того, что было бы тоже правдой: ему раньше не приходило в голову, что нужно учиться. Работать — нужно. Но учиться? Зачем?

— Я пробавлялся разной работой,— говорил переводчик, пока Нур Ахмад обдумывал следующие слова в своей редкой и важной для него речи,— землю копал, скот пас. Все, что найду, все делал.

Мы пошли к школе.

— Они напали на нашу школу два года назад и разрушили ее. Теперь школу охраняет отряд обороны революции.

Мы всюду видели такие отряды: группу вооруженных крестьян совершенно разного возраста.

— Теперь вы учитесь?

— Он говорит,— сказал парень,— что теперь он будет все время учиться.

Что такое цифра 95—97 процентов неграмотных в стране? Это жуткая цифра! Мы пошли в Кабуле в министерство просвещения, в отдел борьбы с неграмотностью. Им заведует товарищ Зафарзай.

Фото Р. НАДЕЖДИНА и из альбома «Афганистан сегодня».

— Дети от десяти до двенадцати лет, после того как они закончат специальный подготовительный курс, начинают посещать школу, рассчитанную на четыре года. Таких школ тридцать пять. Женщины, окончившие специальные курсы в Кабуле, имеют в своем распоряжении четыре школы для взрослых женщин. В них три тысячи учениц.

Это очевидно: обучение грамоте женщин — самый главный показатель успеха всей кампании. Женщины могут показать открытое лицо друг другу. Они оставляют паранджи у входа в школу и шмыгают в класс. У учительницы открытое лицо. Но ученицы спрячутся, если мы внезапно войдем в класс. Мы решили не беспокоить их. Учительницу зовут Наджиба. Она преподает и руководит всей школой.

— Нашу школу открыли в 1980 году. Из 750 учеников 700 — женщины.

— Какие у вас сложности?

— Разгневанные мужья. Они приходят с работы и не видят ужина на столе. Они требуют жену домой. У нас есть группа товарищей для работы с несознательными мужьями.

Мы разговаривали, а рядом в классе сидели женщины, имеющие детей и мужей, а теперь с трудом читающие по складам простые фразы... чтобы что? Чтобы, наверное, приблизиться к своим детям. Ведь дети — действительно будущее. В Афганистане это не красивая фраза. Все дети будут читать и писать. Вот матери и догоняют. Иначе они ни за что бы не пошли на риск семейного скандала. Это все ради детей. Может быть, именно это им и говорили в школе, когда звали учиться. А может, что-то другое. Во всяком случае, что-то хватающее за душу и очень простое. Как земля, как дети. 700 женщин, сидящих за учебником,— это огромная цифра для одной школы. 700 разгневанных мужчин.

— Нет, нет! Их совсем не так много! Всего несколько, и мы с ними справляемся. Они еще сами придут к нам,— сказала Наджиба.

В Кабуле учатся десять тысяч женщин, а всего ровно 333 500 учащихся. На фабриках и заводах на учебу отводится от одного до трех часов, и это время считается рабочим, оно оплачивается. Точно так же организована учеба в Афтаби на пищевом предприятии, в Джангалаке на автомеханическом заводе, в Баграми на текстильном комбинате...

...Мы пришли к школе, к которой нас вел Нур Ахмад. В маленьком зальчике с окном, выходящим на внутренний дворик, бросалась в глаза фраза, написанная на двери: «Берегите книги!» Сбоку на простом листке было написано: «Героически защищать Афганистан!» Все это написал Хайруддин, который научился писать в классе, который ведет Рахиля. Мы подумали, что со временем Хайруддин испишет лозунгами все стены школы, настолько он выглядел счастливым от того, что ему открывалось. Рахиля закончила лицей в Кабуле два года назад. Она учит пятьдесят учеников: из них двадцать девушек, к которым Рахиля ходит на дом; здесь нравы еще не так свободны, как в Кабуле. Рахиля подсчитала: только через двенадцать уроков ее ученики осмелились поднять на нее глаза — на женщину без паранджи. Двенадцать уроков подряд она преподавала грамоту, созерцая макушки своих учеников. Но они все-таки подняли лица и не умерли!

«Афганистан находится в центре Азии». «Все мы — афганцы». «Афганистан — горная страна». «Мы любим Афганистан». Не думайте, что эти фразы, которыми открывается учебник по ликвидации неграмотности для взрослых, просты или даже скучны. Это настоящие революционные фразы, и это настоящее событие суметь эти фразы написать. «Берегите книги!» — ликуя, писал Хайруддин. Мы, научившиеся читать в раннем детстве, не можем себе представить, что значит для этих людей ими прочтенное слово. Мы можем только поверить Рахиле. А она

каждый день пешком обходит свою деревню, спрашивает заданное и ждет. Она не думает, что она совершает настоящий подвиг и что в истории ей это зачтется,— всем безымянным учителям, всем настойчивым, терпеливым, бесстрашным, упрямым, двужильным, засыпающим над каракулями взрослых и детей.

«Вот наша страна Афганистан, и народ здесь называется афганцы». Ее ученикам от четырнадцати до сорока восьми. Это возраст, в котором учиться обязательно, хочешь или нет. Надо учиться! Мы поговорили с некоторыми учениками и обратили внимание на то, как высоко и пышно они говорили. Например, тридцатидвухлетний Рахим Хасса сказал:

— До революции мы вели животную жизнь. Сегодня мы живем как люди. Мы стали людьми! Вот правда!

Откуда этот стиль? Он не вычитан из книг, потому что они еще не читают книг. «Вот Афганистан...» — читают они пока. Мы поняли: это их собственный стиль, соответствующий восприятию происходящего. Ведь и в действительности происходящее возвышенно.

— Сколько вам лет, Хаталлах?

— Лет пятьдесят, наверное.

— Что вы можете рассказать о себе?

— В моей семье нет никого, кто умел бы читать. Но мой сын... он будет большим человеком.

— Сколько лет ему?

— Два.

О, без сомнения, он будет большим человеком — два года! Это возраст, которому можно завидовать.

4. В Аргандабе

Есть три вещи, крайне важные для этой страны. Необходимость все еще защищаться. Это дело армии и вооруженных отрядов обороны. Отряды защиты революции организованы повсеместно. Далее. Школы. Это дело есть. Далее — земля, и на ней человек. Вот, пожалуй, самое важное. Сельскохозяйственная страна, Афганистан, все проблемы решает, исходя из нужд и перспектив крестьянского хозяйства. Мы едем на собрание, на котором будут решаться, как нам сказали, вопросы обороны земель от нападения бандитов. На крыше здания, к которому мы приближаемся, знамя демократического Афганистана. Оно видно далеко. Вот и люди. Товарищи из НДПА и ребята из ДОМА сразу видны в толпе крестьян с их крестьянскими белыми тюрбанами. Мы увидели человека с зеленой лентой на накидке — это мулла Ширин, духовный вождь Аргандаба. После собрания мы с ним поговорили, и вот что он сказал:

— Я за революцию, потому что она произошла, чтобы помочь бедным. Аллах свидетель: те, кто говорит, что революция против ислама, говорят неправду. Это они против ислама!

Трое сыновей муллы Ширина погибли, защищая революцию здесь, в Аргандабе. Сами мы знали случаи, когда с муллами, выступающими за революцию, расправлялись жестоко. Дом одного муллы, по имени Насрулла, бандиты из банды Гульбуддина забросали гранатами. Мулла Ширин очень стар. Он выглядит как человек, проживший праведную жизнь. Он не помнит, сколько ему лет. Это ему неважно. Мы не стали спрашивать, остались ли у него еще сыновья или есть внуки. Но ненависть его к врагам революции — личное чувство.

Во время собрания нам никто не переводил: было не до нас. Мы только видели, что все эти люди — вместе. Все они были суровы. Каюм Нурзай, председатель Совета крестьянских кооперативов Афганистана, не открыл нам ничего нового, когда сказал в беседе, что крестьянин по природе своей консервативен, что трудности, с которыми неизбежно связаны перемены в хозяйстве, он готов переносить лишь тогда, когда почувствует толк от происходящего, а до этого он непременно будет подозрительно относиться ко всяческим нововведениям — он желает чувствовать под ногами твердую землю, и все!

Это очень знакомо, но только в Афганистане, нам показалось, это еще сложнее, чем где-либо.

— Были случаи,— рассказал Каюм Нурзай,— когда крестьяне отказывались получать земли, которые им раздавали.

— Понимаем: страх. А как теперь обстоят дела?

— Дел много,— сказал Нурзай.— Государство должно гарантировать кооперированному крестьянину прием продуктов его урожая, мы должны позаботиться о том, чтобы урожай сохранить. Надо еще больше строить: холодильные установки, приемные пункты в городах. Мы получаем помощь от социалистических стран: например, Болгария построит нам в разных городах столовые, магазины, хлебные заводы, мастерские по выработке шкур и так далее.

Новое здесь растет, прикрепляясь к земле, стараясь увязаться с традициями, которые в такой стране, как Афганистан, нельзя не принимать во внимание.

5. В Чар Асьябе

Чар Асьяб — это деревня и кооператив. Название переводится: четыре мельницы. Но мельниц нет, и деревья все совсем молодые, как солдатики на плацу. «Раньше здесь лучше всех жил лейтенант Мухаммед Амин. У него было шесть братьев. У меня самого пять братьев, но Мухаммед Амин жил хорошо, а я плохо. Мы с братьями много работали — Амин с братьями нисколько. Все дело в земле. У него она была — очень много. Вся деревня работала на жирного Мухаммеда. Мы были ни живы ни мертвы, только работали. А теперь каждый из бедняков получил по шесть джерибов. И мы стали старательно работать для себя, только все равно это было трудно, потому что у нас не было ни семян, ни удобрений, ни денег. Тогда мы образовали кооператив и обратились за помощью к государству. Вот мы и помогаем друг другу, работаем сообща».

Это рассказал молодой парень Гульмухаммед, с детства работавший на землях лейтенанта-кровопийцы.

— Куда же подевался лейтенант и его братья?

— Здесь живут,— мирно сказал Гульмухаммед.— Им же тоже дали шесть джерибов. Но в кооператив не взяли. Мы не помогаем ему. Пусть работает, как мы всю жизнь. Один.

— Я неграмотный,— сказал нам председатель кооператива, не отличающийся от других членов кооператива ни руками, ни лицом.— И никто из нас не знал, что такое кооператив. Даже слова не знали. Нас сначала было пятьдесят пять человек. И никто не знал, что такое наш кооператив. Да... Но сейчас, конечно, мы кое-что можем. В прошлом году получили прибыль — 18 тысяч афгани. И в кооперативе теперь 109 семей. Больше просто нельзя: больше в Чар Асьябе семей нет. Дожди в этом году шли мало!

В Чар Асьябе кооператив потребительский. Мы прошли через дверь, блокированную белым ослом, которого нагружали два молодых человека с винтовками (винтовки — привычная черта многих встречных людей, и мы не пишем о ней постоянно; сюда, в Чар Асьяб, бандиты уже не сунутся. В один из дней нашего пребывания мы узнали новость о том, что еще 250 человек из банды Гульбуддина сложили оружие и сдались властям. Эти люди немного опаздывают, но лучше опомниться поздно...). Вдоль стен магазина потребкооперации полки с товарами: масло, спички, семена, мыло, словом, все, что может понадобиться крестьянину в жизни. Директор кооператива — Мухаммед Али.

— Чего больше всего продается в магазине?

— Чая,— сказал он, нисколько не медля.— В месяц 130 килограммов.

Мы приводим сейчас цифры: прибыль, сколько покупают чая и сколько в кооперативе семей из Чар Асьяба,— и не приводим для сравнения старые цифры. Дело в том, что тон, каким назывались для нас эти цифры, говорит о том, что люди этим гордятся. И кроме того, некоторых цифр ведь раньше не было вообще. Сравнивать было не с чем. Сейчас можно — с прошлым годом. Поэтому ждут дождя, чтобы не оплошать, чтобы не снизились показатели. А государство, узнали мы, разработало большой план строительства артезианских колодцев. В Чар Асьябе про этот план знают. Это тоже чрезвычайно важно: народ знает о том, что будет. Будет колодец, придет техника, будет помощь. Это знание можно сравнить с открытием: «Наша страна Афганистан, и народ в ней называется афганцы» — то есть с открытием мира вокруг...

■

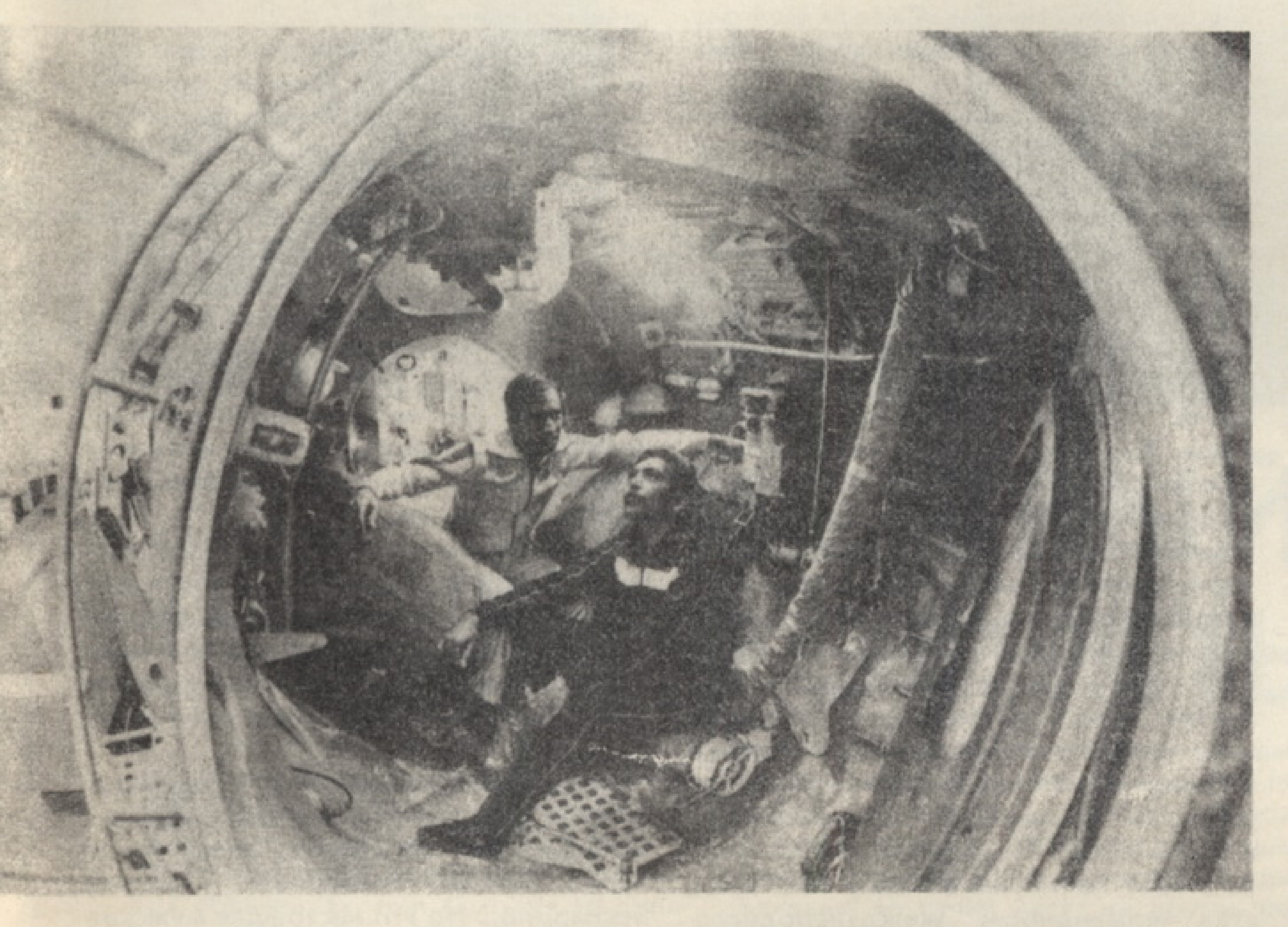

Фото ТАСС

От «АРИАБАТЫ» до «САЛЮТА»

Владимир ГУБАРЕВ,
лауреат Государственной премии СССР и премии Ленинского комсомола

Развитие космонавтики в Индии идет столь стремительно, что его можно сравнить со стартом ракеты. Сначала, когда работает первая ступень, ракета медленно, будто нет у нее желания расставаться с твердью, отрывается от стартового стола, а затем, побеждая тяготение планеты, все стремительней рвется ввысь, туда, где проходит граница между Землей и космосом. И чем дальше уходит она, тем быстрее ее полет — по крайней мере, так кажется всем, кто наблюдает за ней.

Мне довелось видеть первые шаги к космосу ученых Индии, а совсем недавно — тренировки советско-индийских экипажей. Дистанция между этими событиями всего 15 лет.

Август 1968 года. В Вене проходит конференция ООН по мирному использованию космического пространства. Среди ее участников выдающийся индийский ученый, «наш Циолковский», как назовут его позже в Индии, Викрам Сарабхаи. Разговор зашел о будущем.

— Если какое-нибудь государство решает вкладывать больше ресурсов в научные исследования,— сказал мне Сарабхаи,— то это равноценно подаче дополнительного количества пара в двигатель прогресса. Космическая техника способствует прогрессу. У искусственных спутников Земли много профессий, которые необходимы современной цивилизации. Наши предки умели заботиться о будущем, неужели мы отстанем от них?

— Ваши космические надежды связаны с успехами нашей страны? — спросил я.

— Бесспорно,— подтвердил ученый.— Нам нужен опыт работы над космическими объектами, а не просто спутник. В процессе этой работы Индия получит своих специалистов в области освоения космоса. Такую помощь могут оказать только русские... Советские ученые уже помогли нам в техническом оснащении ракетного полигона в Тхумбу, где мы ведем геофизические и метеорологические исследования. С полигона Тхумбу мы осуществляем запуски метеоракет. Получены интересные данные о тропических муссонах. Но это лишь начало. Нам необходимо вести постоянные синоптические наблюдения. От дождей зависит урожай на наших полях, а значит, и благосостояние народа. Именно поэтому ученые Индии придают огромное значение развитию исследований космоса и той помощи, которую оказывают нам советские коллеги...

Много лет с полигона в Тхумбу стартуют советские метеоракеты...

У храмов, на которые столь щедра Индия, вы увидите непривычную картину. Сотни, а подчас и тысячи паломников вытягиваются в длинную очередь, которая змейкой вьется вокруг храма. Иногда паломники ждут долго, чтобы попасть в святилище,— религия много веков властвует на этой земле.

Но однажды, увидев подобную «очередь», я был поражен. Каждый держал в руках фонарь, и как только ночь опустилась, а у экватора это происходит удивительно быстро, зажглись огоньки, и необычная процессия двинулась в сторону океана. Люди приезжали сюда издалека, на стоянке было много автобусов. Я поинтересовался у профессора Р. Бавсара: «Какому богу они молятся?» Он улыбнулся: «Космическому...» А через час мы увидели старт метеоракеты. Оказывается, из разных уголков страны приезжают в Тхумбу люди, чтобы полюбоваться этим удивительным зрелищем. А для школьников южной Индии посещение ракетодрома обязательно...

«Ариабата» — первый искусственный спутник Индии, запущенный с советского космодрома Капустин Яр,— еще находился на Земле... Но ученые Индии уже мечтали о том времени, когда не только спутники, но и космонавты их страны будут работать на околоземных орбитах. Правда, они не могли предположить, что события будут развиваться столь стремительно.

19 апреля 1975 года мы провожали «Ариабату». Спутник должен был выйти на расчетную орбиту над Индийским

океаном, там находилось судно Академии наук СССР, которое принимало телеметрию. О результатах запуска станет известно через полчаса. Волновались, конечно, все, но была глубокая убежденность, что космический первенец Индии благополучно завершит свое восхождение на орбиту.

Несколько лет работал спутник «Ариабата» на орбите. Потом к нему присоединились другие спутники, созданные специалистами Индии,— началось планомерное исследование космического пространства. И его естественное развитие — подготовка к старту советско-индийской космической экспедиции.

...Р. Мальхотра и Р. Шарма собирались в отпуск, чтобы вернуться в Звездный городок в сентябре и начать комплексные тренировки в составе экипажей. Предыдущий год был в основном посвящен теоретическим занятиям, а с сентября начинался «финишный отрезок пути к космосу», как выразился при одной из первых встреч кто-то из советских космонавтов.

«Морская» тренировка со стороны может показаться забавной игрой. С корабля спускается на воду «шарик», внутри которого находятся космонавты. Волнение около четырех баллов, и с палубы хорошо видно, как «шарик» будто скорлупку бросает из стороны в сторону. Через некоторое время открывается люк, и один за другим выпрыгивают из него люди в скафандрах. Надувается спасательная лодка, и вот уже над морем тянется оранжевый дым от сигнальной ракеты... Когда космонавтов поднимают на борт спасательного судна и помогают им открыть «забрало» шлемов, мы видим пот на лицах, усталые, измученные глаза и... улыбку, потому что столь трудное испытание позади! А испытание действительно трудное, когда находишься внутри «шарика». Его швыряют волны, он переворачивается, качка ужасная, и в таких условиях необходимо не только освободиться от привязных ремней и открыть люк, но тщательно упаковать документацию, подготовиться к длительному пребыванию на воде.

— Уже первая тренировка на море,— говорит Георгий Гречко,— дала прекрасную возможность поближе познакомиться с нашими индийскими коллегами, их способностью четко и спокойно работать в критических ситуациях.

— Это было очень интересно, хотя и трудно,— признался Ракеш Шарма.— Но мы с Равишом Мальхотра прекрасно знали: космос потребует от нас всех сил, напряженной работы, и мы готовы к ней, потому что одному из нас доверено впервые в истории нашей страны подняться в космос. И мы гордимся этой честью и радуемся, что на борту станции будем работать вместе с советскими космонавтами. Во время полета спутника «Ариабата» один индийский ученый сказал: «Мы теперь друзья не только на земле, но и в космосе!» Совместная советско-индийская экспедиция на борту станции «Салют» еще раз подтверждает справедливость этих слов...

К международным экипажам у нас отношение особое. И прежде всего нас интересуют те люди, которым доверено выполнить космический полет.

Итак, два экипажа. Анатолий Березовой и Юрий Малышев. В космонавтике судьба у них разная — на счету каждого один космический полет. 211 суток работал на «Салюте-7» Анатолий Березовой. Юрий Малышев — четверо суток. Казалось бы, две несопоставимые цифры. Но оба полета — рекордный Березового и испытательный Малышева — в полной мере выявили «почерк» командиров, они потребовали от них высочайшего профессионального мастерства, мужества и героизма. Семь месяцев на орбите — уже само за себя говорит; а если прибавить, что во время этой экспедиции Анатолию Березовому и Валентину Лебедеву пришлось осуществить сложнейшие эксперименты, в том числе и выход в открытый космос, то станет понятным, почему Анатолий стал командиром международного экипажа.

От Юрия Малышева тоже потребовалось немало мужества, чтобы завоевать право возглавлять новый экипаж. Вместе с Владимиром Аксеновым он впервые провел испытания корабля «Союз Т» на орбите. Причем при стыковке со станцией возникла нештатная ситуация, минутной растерянности было достаточно, и тогда корабль и станция разошлись бы... Малышев взял управление на себя и осуществил сложную ручную стыковку. «Взял на себя» — в космосе это означает большое мужество, профессионализм, глубокое знание техники.

Бортинженеры: Геннадий Стрекалов и Георгий Гречко... Двое из прославленной когорты советских космонавтов, за которой — эпоха в отечественной науке и технике. Они из тех людей, которых мы справедливо называем «первопроходцами». Испытания кораблей, первые стыковки, выход в открытый космос, международные программы, начало эксплуатации орбитальных комплексов — к каждому полету можно смело поставить — «осуществлено впервые». О каждом полете написаны книги, сняты фильмы, казалось бы, хватит летать, но...

— Тянет космос.— Гречко улыбается.— Отложил в сторону докторскую диссертацию, множество дел, связанных с работой в конструкторском бюро, и снова в Центр подготовки. Ощущение такое, будто впервые готовлюсь к старту...

Наверное, невозможно объяснить, почему человека, хотя бы однажды побывавшего на орбите, вновь тянет туда. Опасно? Наверное... Трудно? Бесспорно... Но это настоящая мужская работа!..

И наконец, космонавты-исследователи — полковник индийских ВВС Равиш Мальхотра и майор Ракеш Шарма. Первому 40 лет, второму — 25. И хотя разница в возрасте немалая, а значит, и жизненный опыт разный, у обоих индийских космонавтов много общего. Прежде всего любовь к авиации, к небу, а теперь уже и к космосу, который вошел в их жизнь. Пока они прошли его земными дорогами, но уже скоро — старт, реальный, не тренировочный, со знаменитого Байконура, откуда уходил в космос Юрий Гагарин. Для Индии полет первого космонавта станет событием столь же волнующим, как для нас старт Гагарина. Для индийской программы космических исследований — это принципиально новый этап развития.

Эмблема полета символична. Государственные флаги СССР и Индии. И колесница с богом Солнца, несущаяся над облаками.

Лететь над облаками, над планетой... Сколько мифов и легенд в Индии воспевают этот полет! Мифы и легенды, которые из уст в уста передавались много веков, стали в наше время былью.

■

РИСОВЫЙ ПРОФИЛЬ

**Виталий МОЕВ,
корреспондент «Литературной газеты» — для «Ровесника»
Фото автора**

I

Каждое утро то же самое: в конце улицы появляются оранжевые фигуры. Ровно в шесть утра бритоголовые, босоногие, в оранжевых облачениях, они выходят за дневным пропитанием. Первым наставник, за ним послушники с котелками на перевязи. У дверей их ждут, бросают в котелки по щепотке риса. Оранжевая цепочка приостанавливается и движется дальше.

По давней традиции монахи живут мирским подаянием. Сами не сеют и не жнут. И даже со стороны не видят, как сеют и жнут другие. Если верить легенде, когда-то крестьяне подали Будде жалобу на монахов. Дескать, бродят туда-сюда без всякого порядка; у нас рис на поле, а они слоняются, топчут. И Будда наказал, чтобы впредь монахи в рисовый сезон не мозолили глаза, а убирались куда подальше. С тех пор, едва подходит время дождей, монахи справляют праздник и всей своей сангхой, то есть общиной, закрываются по монастырям.

Сейчас время сухое. Солнце встает в безоблачном небе, и, пересекая косые его утренние лучи, монахи вон уже возвращаются по улице обратно. Идут тем же спорым, деловым шагом. Котелки почти наполнены, килограмма по два.

Не так легко полнится национальная чаша Лаоса.

Рисовые чеки начинают пахать, когда дождями их развезет в болото. Буйволы с чмоканьем высасывают ноги из грязи, пахарь наваливается, придавливает соху весом тела. Поначалу недоумеваешь: что же не пашут раньше, до дождей, пока поле не раскисло? А очень просто. Сухая, затвердевшая как камень земля деревянной сохе не по зубам, да и буйвол не потянет... Потом в чеках, где вода собирается пораньше, готовят рассаду. Через месяц-полтора зеленые ее пучки несут на другие чеки — посадка. Рис трогается в рост, дети машут по полю широкими сачками, обирают с зеленой щетки насекомых. Идет время, меняются краски; нежная вначале зелень набирает цвет, густеет, а потом снова начинает светлеть — выцветает в спелую желтизну. Жатва, серпы вспыхивают по полям, словно лезвия высекают искры.

И все согнувшись, всегда в поле эти сломанные в пояснице фигуры под широкополыми шляпами. Такой парадокс: все зеленое прет в тропиках из земли с невиданной силой, поражает буйством форм, фантазией цветов и плодов, а вот насущный хлеб Востока — рис дается соленым потом.

В 50—70-е годы продовольственная проблема заострилась особенно. Велась освободительная борьба, от военных действий и бомбардировок чуть не треть пашни вышла из строя. На душу населения обрабатывалось всего по полгектара земли, а риса производилось по 260—270 килограммов на душу. Можно представить, как держалась эта душа в теле, если расчетная потребность на человека составляет 350—400 килограммов.

Перед победившей народной властью продовольственная проблема встала как неотложная. В селе взяли курс на кооперацию.

Дело, кажется, куда как нам известное. Разве не мы начинали первыми? Участников коллективизации, правда, остается все меньше, но предания живут. По рассказам матери с детства засела в памяти каленая зимняя ночь у нас на Тамбовщине, как налетели антоновцы, контору подожгли, а отец-двадцатипятитысячник уцелел только потому, что выручила мать. Хлестнула по лошади, та дернула, и нацеленный в отцову голову топор врубился в отвод саней. С тем топором в отводе и ускакали, на лезвии его, как красный фонарик на хвосте нынешних машин, плясал язычок пожара... А сколько читано, сколько долблено по учебникам! Вроде бы знаем.

Но у кооперации, которая проходит полвека спустя после нашей и в иной стране, свое лицо и свои проблемы.

II

Сопровождает меня сотрудник посольства, он хорошо знает страну, прекрасно владеет языком. И тем более неловко: он работает в поте лица, а недоумения лезут и лезут.

— Как это сажали рис на четырнадцати гектарах? У кооператива вроде всего восемь гектаров. Восемь, верно?

Они с председателем кооператива погружаются в объяснения на лао. Тхитной Луангхеп, председатель, сидит за столом, накрытым по случаю гостей красным полотном. У него выгоревшая защитная форма и шлепанцы на босу ногу. Узкое, загорелое до черноты лицо, и даже кожа на голове загорела сквозь редкий седой ежик.

Разбираются они долго, можно поглядеться.

От канала с бетонным мостком сюда ведет молоденькая, не дающая тени аллейка цветущих деревец тямпы. Ветки у нее мясистые, припухлые, а цветы сама нежность. Для лаосцев они почти священные, символ родины.

Сидим под шиферным навесом — тут и «контора», и «центральная усадьба», и «база механизации», и «скотный двор» кооператива «Донду», тут все. Стрекочет красная молотилка величиной со стиральную машину, солому жгут, огонь гудит и пышет с той стороны, как из ада. Рис стелют по цементному полу, крестьянки шикают на цыплят. Еще стоит насос и два миниатюрных трактора с тележками, два плуга, косилка, дождевальная установка. За навесом застыли, утупясь в разные стороны, несколько буйволов. Думаешь: бедность это или богатство, с чем сравнивать?

— Значит, так...

Новая порция сведений. Все верно: восемь гектаров, больше у кооператива нет. А шесть сверх того арендуют у единоличников. Вот и получается вместе четырнадцать. Кстати, и в кооператив чтобы вступить, необязательно иметь свою землю. Можно тоже с арендованной.

Новая новость. Гм. Не очень вроде надежно получается. А если арендатор потом заартачится?

Опять выяснения на лао.

С неба льется будто не свет, а расплавленное стекло. Жуткое желание

закрыть блокнот, закрыть глаза и растянуться в тени. Только на узком лице Тхитноя ни малейшей истомы.

Уточняет. Восемь гектаров у них образовалось так: он сам внес свои три гектара и с пятью пришел дядюшка Тхит Си — тот, в выгоревшей рубахе, с черными от бетеля зубами. Стало быть? Да, весь кооператив из семнадцати семей сидит на земле от двух дворов. Тоже непривычно.

Вникать в новую обстановку всегда трудно. Мешают привычки. Поневоле прикладываешь впечатления к знакомым колодкам и можешь здорово промазать. Приезжаешь в Лаос из-под ситцевого нашего, неяркого неба и ахаешь: какое солнце! Лаосскому собеседнику это непонятно, пожимает плечами: а что солнце — жара и сушь, больше ничего, вот луна — да... Свежесть, чистота, вечное обновление — все симпатии Востока на ее стороне. «Азиатская все-таки штука — луна». Не зря сам календарь ведется по лунам. С луной, а не с солнцем у лаосцев ассоциируется белый круг на государственном флаге. Красные поля полотнища — цвет борьбы, синяя полоса — знак воды, плодородия и белый диск — символ чистоты, ясности, благородства. В нашем обиходе страшная сказка для детей, как медведь съел солнце, а в Лаосе — как лягушка украла луну.

Знакомые предметы в незнакомых связях.

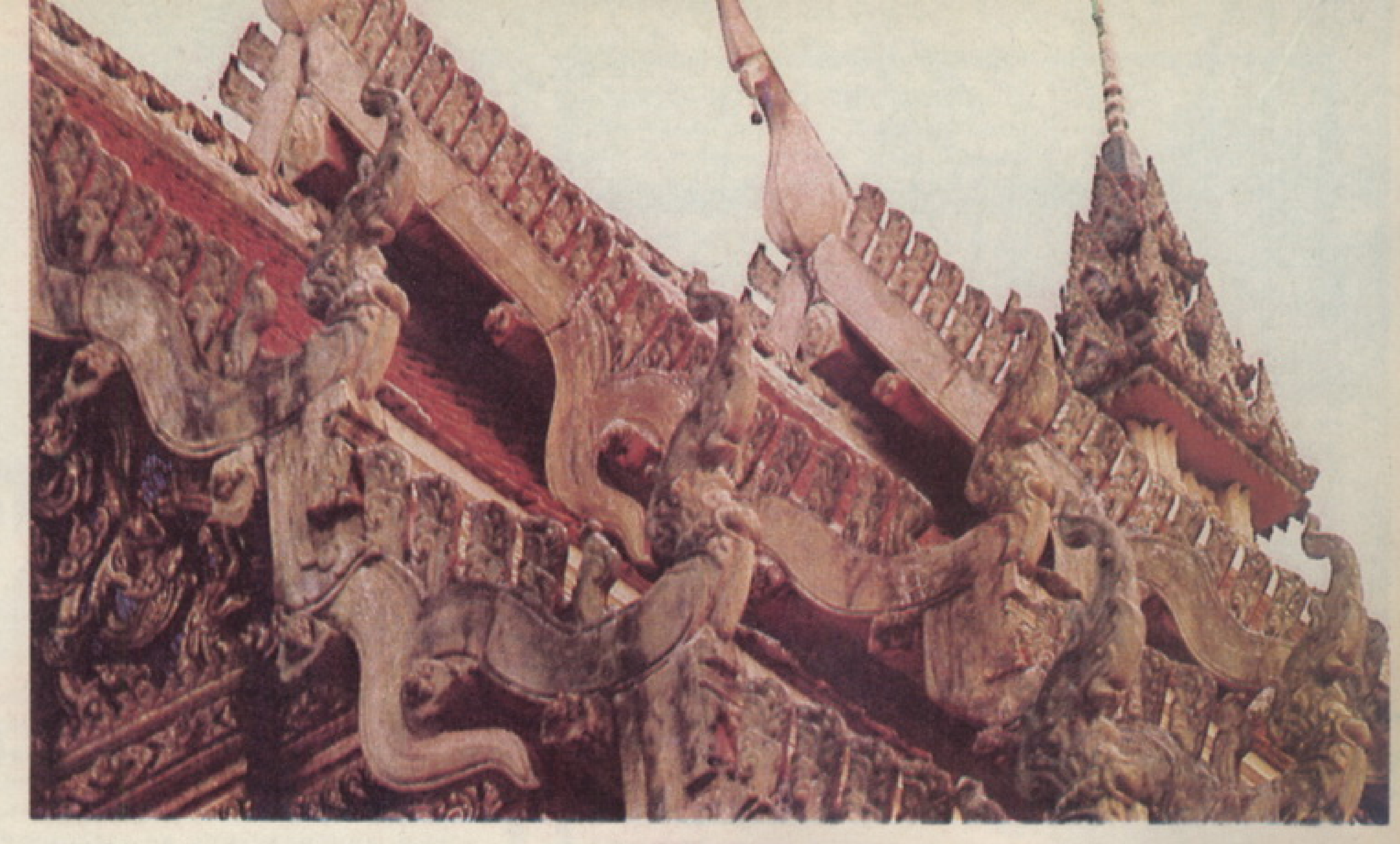
Вот «Донду». Восемь гектаров — какой там, скажешь, кооперативный кусок? По-нашему, раз колхоз, значит, тысячи, ну сотни гектаров. А тут иное. Есть немало стран, где усадьба с десятком гектаров звалась бы малой. Во вчерашнем Лаосе это был бы нечастый пример крупного хозяйства; среднее — по статистике — составляло во Вьентьянской долине 1,62 гектара.

Дальше на север, вблизи Лаунгпрабанга, был в кооперативе деревни Насанг. Тот землей чуточку богаче, 24 гектара, но и едоков побольше, и аренда полей у единоличников ведется тоже.

Как в кооперативах платят? Похоже на наши бывалые трудодни — по баллам. Обработал на поле четыре сотки, дневная норма, десять баллов. Час на молотьбе — два балла. Но свое есть и тут. Работа буйвола засчитывается как труд еще одного члена семьи. Часть дохода не распределяется по баллам, а передается безвозмездно в пользу деревенских стариков, инвалидов, детей. Это им поддержка от нового строя.

Как кооперативы зарабатывают? В «Донду» самый успешный Тхит Си за год получил десять тонн риса. А вот, допустим, крестьянка Пхан Хонкхон — одну тонну. Можно с ними поговорить? Пожалуйста.

Тхит Си с его пятью гектарами до кооператива отнюдь не бедствовал. А теперь не проиграл ли? Смеется черными зубами: нет. Тогда после расчетов за помощь в горячую пору ему оставалось чистым весом шесть тонн, теперь десять — выиграл.

А Пхан Хонкхон? Пятидесятитрехлетняя женщина живет без мужской опоры, полевой земли сроду не имела, только приусадебный участок. Нанималась к людям, как могла сводила концы с концами. Для нее, говорит, кооператив — это же... Она даже слов не находит, боится сглазить, как замечательно зажили. Дочка тоже в «Донду», вместе получают три тонны риса. Сыты. Одеты. А надо что — дочка отсыплет риса — и с автобусом в город, на базар...

Вот они снова, связи вещей, свои житейские понятия старого и нового, малого и большого, печалей и радостей. Кооператив, бесспорно, дает о себе знать добром, это факт. Но факт и то, что сельский быт далеко не переменился в молочные реки с кисельными берегами.

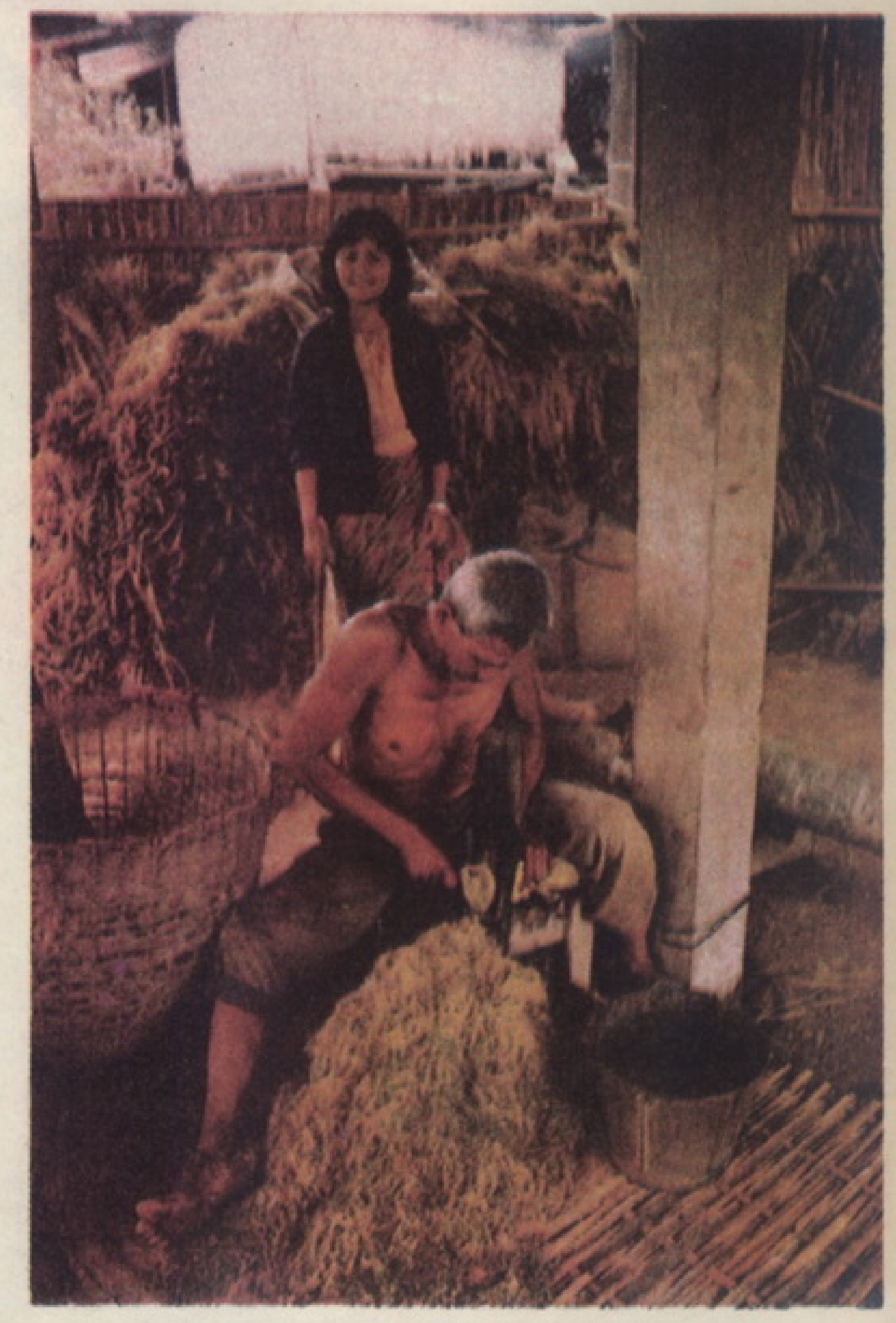
Новые дороги только начинаются.

III

Сказать, как водится, что кооперативному движению в Лаосе «предшествовало мелкое индивидуальное крестьянское производство»,— значит не сказать почти ничего. Предшествовал не вчерашний, а поза- и позапозавчерашний день.

Ломаные цепи гор внизу под самолетом курятся дымами. Сосед по салону кивает узнавающе: «Лаос». Дымы поднимаются от кострищ в джунглях, встают в безветрии высоко и прямо. Будто небо тут держится на волнистых, пронизанных солнцем колоннах. Говорят, бывает, что из-за дымовых завес в весенние месяцы самолеты проходят мимо Вьентьяна без посадки.

Потом видишь такие кострища и на земле, вблизи. Гарь, вывороченные корневища, черная земля и на ней — пепельный скелет целого ствола с ветвистой кроной. Словно тень дерева на негативе, а самого дерева нет. Так, объяснили, сгорает «масляное дерево». Рядом подростки пилят ручной пилой рухнувший ствол, перекликаются: за стволом толщиной в полроста им друг друга не видно. Сколько же так шаркать двуручкой и сколько трудов

нужно, чтобы получить — нет, еще не чашку риса, а только клочок полевой земли? У специалистов это носит название сверхдремучее: подсечно-огневое земледелие. А в Лаосе — живой быт. До недавнего времени таким способом возделывалась одна треть пашни. Тут нет опечатки: одна треть.

Крестьянские дома скорее плелись, чем строились (камень по обычаям употреблялся только на храмы). Дома ставятся на высоких сваях и обязательно с верандами. Раньше между соседними государствами была даже заключена договоренность так и различать,— где кончаются веранды, там начинается Вьетнам.

В тени такого дома Тонгбай Сибунлыанг крошит табак. Листья сворачивает жгутом, этот жгут, помогая коленками, проталкивает в литую обойму и на ее блестящем, отполированном ходами ножа срезе сечет табак в мелкую стружку. Смотришь-смотришь и вдруг подумаешь: а ведь этот его древний снаряд, и нож, и точило, и циновки, по которым дети рассыпают пахучую резку, ничего этого не покупалось в магазинах, ни на чем не найдешь заводского клейма. И стоящая рядом буйволовая тележка с великанскими колесами, и ткацкий станок под навесом — все тут сработано своими руками... В другом месте смотрел, как резали доски для лодок. Из бревна восемнадцати шагов в длину. Один проход пилой — два дня. На селе многое еще продолжают делать своими руками и для себя. Развитие товарных отношений долго задерживалось; по экономическим данным, всего два десятка лет назад в натуральном и полунатуральном порядке производилось три четверти продукции.

В поле за домом Тонгбая низкая постройка посажена крышей почти на землю. Оттуда еще издали доносился какой-то мерный глухой шум. Подошли ближе — вот оно что...

Под низкой крышей по пять человек в ряд, напротив друг друга работали крестьяне. Клещевитыми рогатками подхватывали мелкие рисовые снопы и хлестали по земляному полу. Зерно шрапнелью брызгало по ногам. Семьдесят ударов — и обмолоченный сноп отлетал в сторону, а рогатка подхватывала новый. Хлоп-дзинь, хлоп-дзинь... Что-то на наших лицах крестьяне вычитали, должно быть, комичное: когда мы вышли, под крышей рванул дружный смех.

О сверчке-молотилке в «Донду» после этого стало вспоминаться иначе: техника! А тем паче и малышка трактор, косилка, насос. Видно, что там кооператив. А тут?

Тут так называемая группа солидарности.

Земледелие на одну треть подсечно-огневое. Производство на три четверти патриархальное. Такого предшествия кооперации ни у нас, ни в других странах, пожалуй, не встречалось. Перепад громадный. Поэтому в Лаосе различают особые ступеньки, подводящие к кооперативу постепенно. Их целая лесенка.

Она начинается едва заметно, новое на первой ступеньке почти сливается с очень старым, с традицией, именуемой «саманха». Что-то вроде нашей былой толоки, когда соседи собирались помочь соседу. «Группы солидарности» — обновленная «саманха», бодрая и регулярная. В них объединяются на самых важных работах, а орудия, участки, урожай остаются у каждого свои. То же и в «группах по обмену трудом», но это уже следующая ступенька, впервые появляется учет и мера услуг. Я у тебя отработал день, ты мне должен столько же, тогда квиты. Еще выше по лесенке кооперативы временные, целевые и наконец — «полномерные».

Тех и других «групп» в стране тысяч пятьдесят. Тонгбай Сибунлыанг тоже в одной из них. Встает от сырого табака, достает из кармана кисетный («Свой?» — «Свой»). У них в районе Хот группами довольны. Он сам тоже. Во-первых, государство помогает семенами, удобрениями, химикатами; во-вторых, есть консультации от специалистов. И бесплатно. Одна беда — техники нет...

В группах исподволь растут кооперативные начала. У них в деревне, к примеру, договариваются объединять не только труд. Пять процентов урожая тоже складывается в «общий котел», эти средства пускаются на общие хозяйственные расходы, устройство праздников, помощь нуждающимся. Теперь уже не просто деревней, а именно группами идут на разные общественные работы — поправить дорогу или канал почистить.

Немало пока в Лаосе и таких дворов, где продолжают хозяйствовать единолично. Это тоже еще не вчерашний день.

IV

Не везде сразу заладилось, как в «Донду».

Года три-четыре назад говорилось в Лаосе, а оттуда долетало и до нашей печати, что высшая кооперативная форма прививается бурно, в кооперативах, мол, уже добрая треть крестьянских семей. III съезд НРПЛ в 1982 году оценил дело точнее, предостерег от запальчивого преувеличения успехов. Кооперативов, было сказано, насчитывается несколько меньше полутора тысяч, а не две-три, как иногда называли прежде. Счет сверили и уточнили, приняли во внимание и тот факт, что иные из новоиспеченных кооперативов распадались.

Отчего? Классовая борьба?

Верно, враждебное подполье в Лаосе пока шевелится, покушается на вылазки. В деревнях запросто услышишь, что вот, мол, неделю назад схватили пару субчиков, бродили тут в джунглях, бандитничали. Но люди эти чаще от сельской общины отрезаны, огрызаются из нор. Слышать о вражде, идущей из самой крестьянской среды, о чем-то вроде «кулацких происков» или саботаже, особо не приходилось. Да и понятно: социальное расслоение в крестьянстве очень незначительное.

Тогда что же еще? Может, слишком круто брались за перестройку? Пере-

косы, правда, в работе случались — были и случаи нарушения добровольности, и спешка, и забегание вперед. Но все же предшествующий опыт свое слово сказал: все это легче и быстрее распознавалось и осаживалось. Общим знаком кооперации в Лаосе стала не «крутизна», а гибкость, пластичность.

Жестких альтернатив избегают. Можешь передать кооперативу всю свою землю, можешь — только часть. Можно и скотину привести, а можно оставить дома. Выбор широк. Но, как выясняется, и гибкость не всегда страхует от неудач, в ней тоже бывают крайности.

Составился, к примеру, в районе Хом один кооператив. «На всякий случай» от малых своих участков объединили в нем пайщики и того меньше, дескать, на пробу. Вот так на пробу что-то делали в кооперативе, а больше — у себя дома. И не вышло, кооператив захирел. В другом месте поторопились забыть, кто сколько внес земли — чего там считать, все общее. И опять не вышло.

Значит, просто распались кооперативы? Нет, оказалось, не просто — и это интересно. К старому никто из крестьян все же не вернулся, новых единоличников не появилось, люди предпочли «группы солидарности и обмена трудом»! О гибкость споткнулись, и гибкостью же дело поправилось.

V

Глагол «есть» звучит на языке лао как «есть рис». Он определяет калорийность пищевого рациона на добрых девять десятых. В добавку к основному столу идет множество всевозможной зелени, но все же рис остается всему головой.

И тут неожиданность. Казалось бы, на рисовом поле — где еще? — кооперации и показывать свои преимущества. А в действительности?

Цифры урожайности риса в кооперативном и индивидуальном секторах почти совпадают: 1,5 тонны с гектара и 1,58 тонны. И значит? В социальном «ранжире» кооперативы стоят на порядок выше, а экономических их преимуществ пока не видно?

Дело сложнее.

Попадая впервые на лаосские поля, ничего не понимаешь. Что тут вокруг — весна? осень? Глядишь — пашут, а поблизости свозят с поля копешки. В одном конце отзываются деревянные колотушки, которые отпугивают птиц от зреющего зерна, а в другом — колокольчики буйволов, запущенных пастись на убранных делянках. Буйволы пасутся на привязях, в точности похожих на наши деревенские колодезные «журавли». Отойдет скотинка подальше — «журавль» наклонится, подойдет ближе — поднимется. И никогда веревка не запутается.

Но бог с ней, с веревкой, сам запутаешься. Какой все же сезон на полях? Ага, здесь же тропики, сказочная земля. Сей, убирай, снова сей — какие там сезоны!

И опять ошибка.

Земля землей, а к рису у лаосского крестьянина сотни и сотни лет оставался особый подход. Рис растился не иначе, чем единожды в год. В дождливый сезон. Даже если собирали в обрез — что поделаешь? — затягивали пояс, но на рисовое поле до следующих дождей ни ногой.

Причин хватало. Какой там рис, когда сухо, а искусственного орошения почти не знали. А кроме того, и другие заботы, их переложить тоже не на кого. В натуральном хозяйстве нужно время, чтобы позаботиться о скотине, об одежде, о жилище — да мало ли! Наконец, просто привычка, неколебимая крестьянская верность обычаям. Работник министерства сельского хозяйства рассказывал, как агитировал крестьян, что надо бы, мол, больше риса — для городов, для рабочих. Мужички качали головами, не могли взять в толк: если в городе нужен рис, почему его там не сажают?..

Короче, велось так и только так. А нынешнее смещение работ на полях чистая новость. И пришла она как раз с кооперацией.

В сухой сезон полевая земля у единоличников простаивает. А кооперативы ломают старую традицию, арендуют эту землю и пускают под рис. «Донду» год за годом уверенно собирает два урожая. А теперь — Тхитной Луангхеп водил нас посмотреть — дерзнули первый раз и на третий.

Сыграла свою роль и политика государства. Урожаи сухого сезона освобождаются от налогов, а в обмен на зерно «Донду» получил насос и дождевальную установку, может поливать. Получает он и строительные материалы, ткани. Завязывается новая связь: больше товаров из города — меньше забот — больше сил можно вкладывать в основное производство.

Так вот. С учетом «кратности» урожаев сравнение выглядит иначе. В районе Хом приводили цифры: индивидуальные хозяйства выращивают за год 1,5—1,6 тонны с гектара, группы — 2—2,5 тонны, а кооперативы — 4—5 тонн.

Эффект в масштабе страны еще ощутимей. Два всего года спустя после решения о коллективизации Лаос впервые собрал миллион тонн риса и ниже этой отметки не опускается. К 1985 году планируется увеличить сбор до 350 килограммов на душу населения, значит, первая потребность будет покрыта.

И все же полностью выявить свои возможности кооперация пока действительно не может. Молодо-зелено, это раз. Слабо с техникой — это два. И поле под рис — нет пока настоящего кооперативного поля, это три.

Если вспомнить, задолго до нашего Октября, касаясь сельских дел России, Маркс замечал, что физическая конфигурация русской почвы благоприятствует объединенной обработке. Какие слова чаще мелькали в годы нашей коллективизации? «Распахать межи». Распахивали, и чересполосица единоличных делянок обращалась в годный кооперативный клин.

Для Лаоса просто «распахать межи» означало бы безнадежно загубить землю. Такой вот социально-технический узелок.

Рис растет из воды, а вода любит ровную поверхность. Где ни посмотришь в Лаосе, лежащие рядом, всего лишь через травяную межу, чеки отлично спланированы. Как столы. Только разной высоты. Кому бы раньше пришло в голову дурить с геодезией и подгонять уровень своего участка к соседскому? Для «конфигурации почвы» типичнее было устройство террас. Некоторые ученые полагают, что и на ровном месте крестьяне нарочно старались придать чекам разный уровень, заботило одно — задержать у себя побольше воды.

Мохнатые межи служили преткновением для проблем социальных и решением — для агротехнических. К ним не так просто подступиться. Нужны годы, техника, капиталовложения...

VI

Красноземы — красная земля. Едешь, и провожает тебя неизменный пейзаж в три краски: синее небо, зеленые джунгли и красная дорога. Едва покажется грузовик навстречу, все в машине бросаются поднимать стекла. Тонем в красном тумане, шофер на всякий случай включает фары и сигналит. Потом влезешь под душ, и потечет с тебя как с розового гуся...

Превыше всего в Лаосе сейчас ценится живой опыт. Постоянные расспросы, а как это у вас. «Ваша история,— заметил один из собеседников,— для нас сейчас интереснее, чем для вас самих». Наша история, она многих еще будет побуждать задумываться над современностью. В Лаосе тоже. Однако опыт, добытый другими, работает понастоящему только тогда, когда переварится в своей голове, освоится своими руками. Поэтому высоко поднимается значение своих, новорожденных образцов и примеров.

В каждой провинции для науки другим стремятся завести хотя бы по одному образцовому хозяйству. С этой же целью организуются и госхозы. Туда в первую очередь бросают технику, средства, материалы, кадры. Таких хозяйств уже больше тридцати, они специализируются на зерне, животноводстве, лесоводстве и так далее. Большинство пока строится. Планируют, что настоящую работу развернут к концу пятилетки.

День кончился, нигде не оставалось ни души. Сухое красное ложе канала тянулось в сторону заката, и там виднелся небольшой омуток, в который залезли буйволы. К ним в компанию, как раз на рога сползало солнце... Наш попутчик что-то пробурчал себе под нос.

— О чем он?

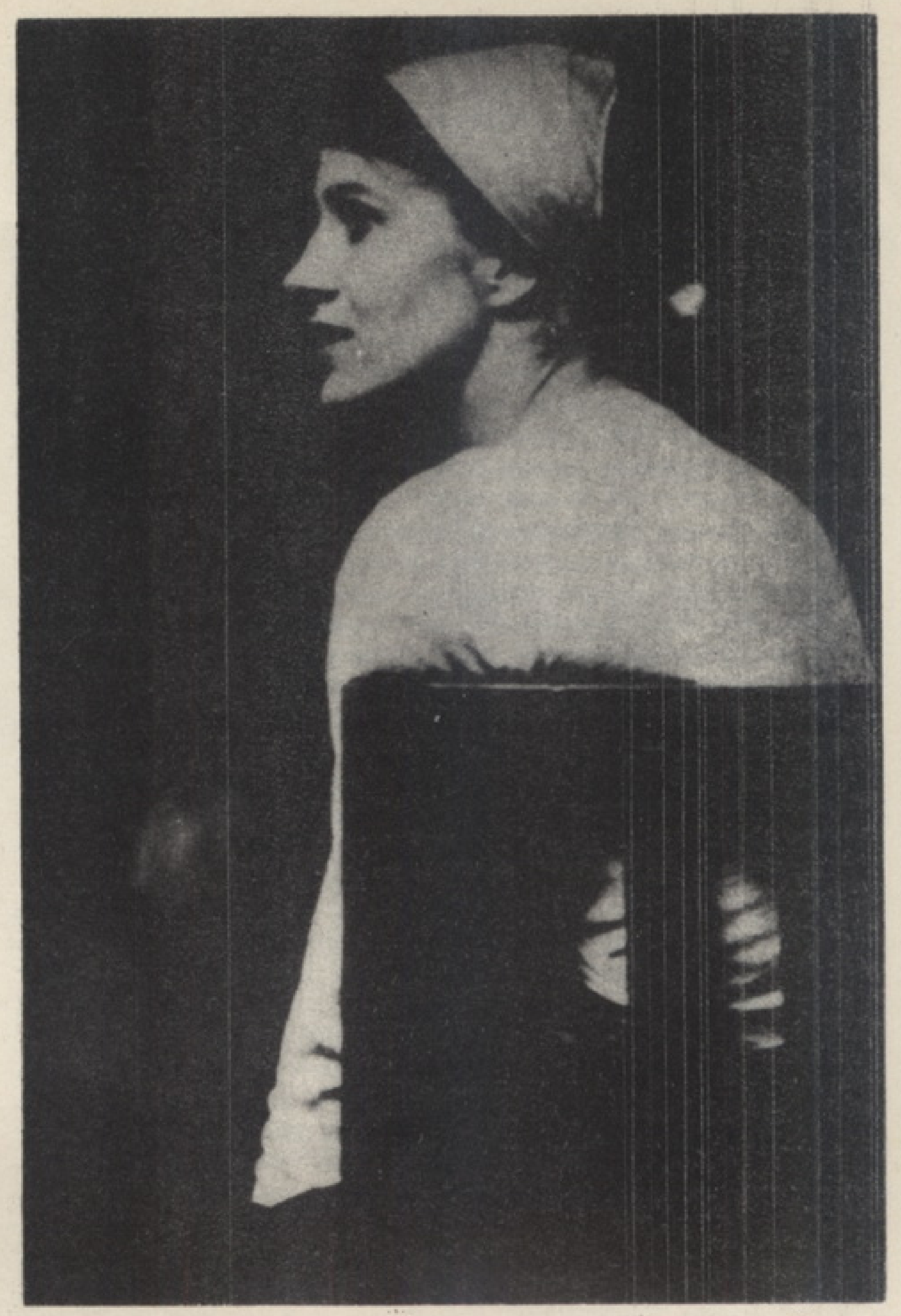
— Да просто так. Это он не вам, он буйволам. Что-то в таком духе: погодите, мол, вот придет большая вода...

■

ВИКТОР
ПРЕРВАННАЯ ПЕСНЯ

Джоан ХАРА

На снимках: Виктор и Джоан.

Аманда была маленькой, крепкого сложения женщиной с замечательной светлой улыбкой. Она родилась в провинции Ньюбле на юге страны, и в жилах ее текла кровь индейцев мапуче. Еще ребенком она слышала много народных песен своего края, их пели на свадьбах, на похоронах, во время сбора урожая. У нее был ясный, сильный голос, и односельчане уважали ее и как мать семейства, и как певицу.

Ее приглашали в дома, где умирал ребенок, а это случалось очень часто. Виктор ходил вместе с ней. Эти горькие всенощные бдения к утру, как ни странно, превращались во что-то вроде праздника. Люди верили или, по крайней мере, старались верить, что умерший ребенок превращался в «ангелито», который ждал на небесах своих родителей, считалось, что он может замолвить за них словечко перед богом. По традиции тельце ребенка одевали в белое бумажное платьице, и он сидел, окруженный самодельными искусственными цветами,— на настоящие денег не было.

Пение продолжалось всю ночь. Первые несколько часов пели «канто а ло дивино» — торжественные религиозные песнопения, они должны были поддержать дух родителей и исполнялись как бы от лица умершего ребенка. Но к утру они превращались в «канто а ло умано» — песни с более земным содержанием. Хотя музыкальная форма и стиль были традиционными — монотонное пение с плавным понижением голоса в конце каждой фразы,— исполнители без конца импровизировали стихи. Сонный Виктор устраивался у ног матери, слушал ее пение, завороженный долгой церемонией, происходившей при свечах; безутешно рыдала мать мертвого ребенка, а на рассвете со двора доносился пьяный смех.

Как и большинство чилийских женщин, Аманда держала на своих плечах весь дом. Каждый вечер она замешивала тесто, делала из него плоские лепешки «тортильяс», засовывала их в пепел угасающего очага, чтобы наутро, когда семейство проснется, подать к завтраку свежий хлеб — надо было только обломать обгоревшую корочку. Проголодавшимся детям этот хлеб казался изрядным лакомством. Аманда растила овощи, держала кур и свинью в маленьком загончике за домом, делала сыр из козьего молока, так что, хотя мясо подавалось только на праздники, пища была вполне здоровой...

Аманда изо всех сил старалась пополнить семейный бюджет, ходила с детьми в горы собирать травы и потом продавала пучки трав и яйца на рынке близлежащего городка. Еще Аманда держала жильца, учителя деревенской школы. Она кормила и обстирывала его, как и остальных членов семьи. Этот молодой человек умел играть на гитаре и показал Виктору, как держать инструмент и как играть на нем — матери-то было не до этого.

Виктор и Лало спали на одной постели. По утрам было очень холодно, но Аманда вытаскивала их из кровати и гнала мыться в ручей, что протекал неподалеку. Башмаки были неведомой роскошью. В лучшем случае они носили ойотас — грубые самодельные сандалии с ремнями из кожи, а подошвы делались из старых автомобильных шин. С одеждой тоже было неважно, и поэтому по утрам, когда они бежали в школу, от холода зуб на зуб не попадал.

Отношения между родителями были напряженные. Отец становился все более угрюмым и явно не хотел нести бремя

Продолжение. Начало см. в № 3 за 1984 год.

ответственности за семью. Он начал пить, исчезал из дому на несколько дней, а когда возвращался, пьяный и озлобленный, ссорился с Амандой. Избив жену и детей, он садился и ждал, когда его накормят. Эти сцены навсегда отвратили Виктора от отца.

Когда начинались брань и крики, Виктор спасался на гору, что вздымалась сразу за домом. На вершине горы стоял грубый деревянный крест, чтобы отогнать от деревни злого духа, а еще здесь была большая плита с отпечатком раздвоенного копыта. Люди называли его «следом дьявола». Это место внушало суеверный страх, но жаркими летними днями Виктор любил лежать на теплой скале и смотреть вниз на плодородную долину, на ирригационный канал, берега которого поросли ивами и тополями, на дальние горы. Позади были покрытые снегом вершины Анд, кругом высокие, изогнутые кактусы, скалы, заросшие утесником. Компанию ему составляли ящерицы и сверчки. Но когда наступали сумерки, он скатывался на пятой точке с горы и бежал изо всех сил домой, будто за ним гнался сам дьявол.

В детстве Виктор очень боялся дьявола: он ведь мог утащить за дурное поведение в ад! Радио в доме не было, и по вечерам взрослые сидели на веранде и рассказывали бесконечные истории. Виктор лежал в постели и прислушивался к разговорам о злых духах, о Ла Калчоне — полуженщине-полугусыне, что ночами шастала по окрестностям и пугала до смерти одиноких путников. Он слушал рассказы о бродячих огнях, которые заводили людей невесть куда, и о явлениях дьявола...

Это чувство магического осталось у Виктора на всю жизнь, и в мелочах — например, он, честное слово, умел заговаривать бородавки, и в крупном — он обладал даром предвидения.

Мануэль был неграмотным, и все, что он хотел от детей,— это чтобы они помогали ему в поле. Аманда, напротив, не только сама могла читать и писать — что для женщины ее положения было большой редкостью,— но и настаивала на том, чтобы дети получили образование. Она отправила всех в школу и следила, чтобы они не прогуливали.

Позже дети с любовью вспоминали годы, проведенные в Лонкуэне: несмотря на частые отлучки Мануэля и на спартанский образ жизни, еды всегда хватало, и были в доме мир и надежность.

Все рухнуло в один день. Аманда, как обычно, доила коров на хозяйской ферме, а Мария, теперь уже тринадцатилетняя девочка, стирала белье. На плите стоял котел с кипящей водой, и Мария наклонилась, чтобы подложить в топку полено. И вдруг дети — это все произошло, как при замедленной съемке,— увидели, как котел накренился и перевернулся. Аманде удалось переправить дочь в Сантьяго — в Лонкуэне не было врача.

Марии предстояло лежать в больнице около года. Аманда в это время ждала очередного ребенка (родился мальчик, его назвали Роберто), и без помощи Марии ей не справиться было с домашней работой, а ведь надо еще зарабатывать, на Мануэля надежды никакой... И тогда Аманда, беременная, с тремя детьми на руках, решила перебираться в Сантьяго.

Они поселились в квартале Ногалес, сером, наводящем тоску. Летом стояла столбом пыль, зимой во время дождей грязь становилась непролазной. Квартал пересекала сточная канава, дети играли в прятки на кишащих крысами берегах, а в жаркую летнюю пору купались в ней.

Это было первое городское впечатление Виктора. Они жили в одной комнате, спали вповалку на земляном полу, все кругом было жутким и враждебным. После тишины и спокойствия деревни шум, вонь и многолюдность были невыносимы. Городские дети собирались в шайки, они казались слишком агрессивными и самоуверенными. Аманда старалась хранить прежнюю строгую дисциплину и прежние стандарты чистоты, но это было нелегко.

Виктор и Лало стали ходить в ближайшую школу. Хулио Моргадо, одноклассник Виктора, вспоминал: «Они приходили вдвоем очень рано и были всегда такими чистыми и аккуратными. Возвращались они тоже вместе — им не разрешалось после уроков болтаться на улице, как болтались все мы».

Вскоре Аманда устроилась поварихой в одном из привокзальных ресторанчиков, и семья смогла перебраться в квартиру над рестораном. Через два года адским трудом она наскребла немного денег и открыла на рынке собственный «пенсьон» — маленькое кафе, где обедали торговцы и грузчики. Недостатка в клиентах не было, и жить стало немного полегче, но Аманда редко теперь бывала дома. Дети очень тосковали по ней. Виктор не спал ночами, думая о матери, о том, как ей тяжело, и злился на отца, на его долгие загулы и короткие и страшные возвращения.

Вскоре они переехали на улицу Хотабече. Теперь у них был и маленький домик, и даже дворик с фруктовыми деревьями, но от Хотабече до рынка было очень далеко. Аманда вставала в два часа ночи, шла по пустынным улицам, и только собака провожала ее. Пересекала мост через железную дорогу и входила на пустынный рынок. Она должна была приготовить суп, тушеное мясо и испечь хлеб: первые торговцы приезжали в четыре часа, а они любили начинать день, сытно поев.

На рассвете к грузчикам и торговцам присоединялись мужчины, вывалившиеся из привокзальных баров. Они жадно глотали горячий рыбный суп, варево из свиных голов, чтобы прочистить мозги прежде, чем явиться пред очи жен. До шести вечера Аманда готовила, подавала, мыла и приходила домой совсем измотанная. После уроков и по субботам Виктор помогал ей в кафе или за несколько песо подносил на рынке корзины. Мануэль окончательно ушел из дома. Аманда купила ему клочок земли, и он выращивал на нем арбузы. Время от времени Виктор встречал его на рынке.

Аманда больше не пела. Не было времени, да никто и не просил. Почти во всех домах было радио, и люди слушали коммерческие группы, исполнявшие болеро, мамбо, танго, перуанские вальсы и мексиканские корриды: североамериканское культурное наступление началось позже.

Гитара Аманды стояла в углу, Виктор пытался подбирать на слух и больше всего на свете хотел научиться играть по-настоящему. По соседству был винный магазин, и Виктор слышал, что кто-то в этом доме очень хорошо играет на гитаре. Однажды дверь дома осталась открытой, и он остановился на пороге послушать.

Играл молодой человек, его звали Омар Пульгар. Ему было восемнадцать лет, и он получил кое-какое музыкальное образование. Их семья когда-то разорилась, жизнь на Хотабече они воспринимали как падение и не общались ни с кем из соседей. Но когда Омар увидел в дверях заслушавшегося мальчика, он понял, что нашел настоящего ценителя своей музыки, и начал учить Виктора всему, что знал сам.

Мария вышла замуж и поселилась с мужем в доме на Хотабече, а семья переехала поближе к рынку. Этот район носил выразительное название «маленький Чикаго»: в основном здесь жили мелкие гангстеры и воры.

Единственным спасением в этой атмосфере организованной преступности и единственной формой культурной активности в округе была церковь: молодежный католический центр на улице Бланко Энкалада. Виктор встретил там подростков, многим похожих на него. Они пели в хоре, слушали классическую музыку, ездили на экскурсии и играли в футбол. Обязательным было посещение мессы, изучение жития святых и истории борьбы церкви против ересей.

Виктор поступил в коммерческий институт, по окончании которого мог стать бухгалтером. Но он ненавидел это заведение и получал только весьма средние оценки: втайне он мечтал стать священником. Служение богу казалось ему высочайшим идеалом, только к нему и следовало стремиться.

В один из обычных мартовских дней 50-го года Виктора вызвали с занятий и сказали, что Аманда скончалась от удара прямо на работе.

В квартале Ногалес у него нашлись настоящие друзья. Это были его одноклассники Хулио и Умберто Моргадо. Их отец, дон Педро Моргадо, веселый щедрый человек почти шести футов ростом — гигант по чилийским масштабам,— зарабатывал на жизнь перевозками мебели на своем собственном маленьком грузовичке. Дон Педро и донья Лидия пригрели Виктора, и на многие годы их дом стал

его вторым домом. После смерти матери Виктор бросил коммерческий институт, пошел работать на мебельную фабрику и помогал дону Педро чинить грузовичок.

Священник из церкви на Бланко Энкалада, падре Родригес, относился к Виктору с симпатией: Виктор даже прожил несколько недель у него в доме. Падре считал, что его подопечный призван стать священником, и весной 1950 года Виктор поступил в семинарию.

В 1973 году Виктор вспоминал: «Для меня это был очень серьезный шаг. Теперь, оглядываясь назад, я понимаю, что мною руководило не религиозное чувство, а чувство потерянности, одиночества, потому что тот надежный мир, в котором были тепло и материнская любовь, исчез навсегда. Я уже имел отношения с церковью и в тот момент нашел в ней убежище. Я думал, что обрету здесь новые ценности и иную, более возвышенную любовь, которая компенсирует мне недостаток человеческой любви».

Единственное, что доставляло Виктору в семинарии радость,— это музыка, георгианские песнопения, да еще сама месса, очень театральное по существу действо. Но он находил невыносимым аскетизм, враждебный человеческой природе. За малейшие прегрешения следовало наказание: стоя под душем, надо было стегать себя плетью. Он понял, что неумолимая дисциплина требовала более глубокого, чем у него, призвания, и в марте 1952 года покинул семинарию.

Спустя десять дней его призвали на военную службу. Каждый 18-летний чилиец обязан был служить в армии, но дети буржуа, за исключением тех, кто добровольно шел в офицерскую школу, каким-то образом избегали призыва. А Виктор даже обрадовался: будущее откладывалось. Всем своим детством он был подготовлен к спартанским условиям службы, а ведь еще было бесплатное жилье, питание и одежда! После семинарии Виктор почувствовал себя немыслимо свободным и начал быстро взрослеть. По выходным он вместе с приятелями-новобранцами таскался где придется...

12 марта 1953 года (в то время я танцевала в «Балете Йооса») Виктор вышел из ворот казармы. У него не было ни необходимой подготовки, ни перспектив, ни денег, ни настоящей семьи, ни любимой девушки.

В «маленький Чикаго» он не вернулся: здесь у него не было больше дома. Да и вообще дома у него больше не было нигде: когда он ушел из семинарии, муж сестры Марии отказался пускать Виктора на порог. Он решил вернуться в квартал Ногалес, к семье Моргадо и остальным друзьям. Они были людьми тактичными и не спрашивали, чем он собирается заняться в будущем. Он начал готовиться к экзаменам в коммерческий институт и одновременно работал уборщиком в больнице...

Если Виктор и тосковал по чему-нибудь «семинарскому», так это по музыке, и поэтому, когда он увидел объявление, что университетский хор объявляет прием для участия в постановке «Кармина Бурана», он решил попробовать. Его приняли в группу теноров, и, одетый в коричневую рясу, он изображал монаха.

Здесь же, в Муниципальном театре, Виктор увидел выступление группы мимов, недавно сформированной Энрике Нойсвандером. Виктор был поражен. Сразу же после спектакля он отправился за кулисы и спросил Энрике, где можно поучиться этому мастерству. Энрике устроил просмотр, пластичность и выразительность Виктора так бросались в глаза, что Энрике тут же пригласил его в труппу. Она состояла из энтузиастов, днем они работали в самых разных местах — Энрике, например, был инженером,— а вечером репетировали в большой комнате в старом, построенном в колониальном стиле здании. Здесь было множество внутренних двориков, в них располагались мастерские художников, и вообще в этом доме жили скульпторы, поэты, танцовщики — эдакое прибежище богемы.

Для Виктора все это было в диковинку. Он подружился с участниками труппы, но никогда не рассказывал о себе, никто не знал, где он живет, из какой семьи. Хотя очевидно было, что он очень беден и явно ест не досыта.

1955 год был очень удачным и для Нойсвандера, и для Виктора: он получил две важные роли, одну в постановке «Благородные и сентиментальные вальсы» Равеля, другую — в пьесе «Лос Весинос» на музыку чилийского композитора Лени Александер. После этого труппа выехала на гастроли в южные провинции, и тут-то Виктор раскрылся как исполнитель народных песен: он все время пел в поезде. Он был счастлив.

Он сдружился с одним из участников труппы — Фернандо Бордо. Тот был выходцем из богатой семьи и время от времени, когда родители «проводили сезон в Европе», приглашал Виктора пожить у себя. Фернандо видел, что Виктор очень одинок и что даже его широкая улыбка была чем-то вроде защитной маски. «Я иногда встречал его на улице,— вспоминал Фернандо,— он шел погруженный в свои мысли и выглядел таким озабоченным, но стоило ему завидеть знакомого, лицо его озарялось широкой улыбкой, и он пускался в веселую беседу».

Фернандо поступил в театральную школу при Чилийском университете и подбил на это дело и Виктора. И вот в марте 1956 года Виктор отправился сдавать вступительные экзамены. Он очень нервничал из-за своего кургузого, поношенного пиджачка, но самое ужасное — одетые по этому случаю башмаки на тяжелой подошве страшно жали. Поэтому он разулся и сел на пол в ожидании своей очереди. Больше всего его беспокоило, целы ли носки.

Он знал, что у него акцент человека из рабочего класса и во время чтения драматического отрывка он не очень преуспеет, но зато когда надо было сымпровизировать танец — тут он был в своей стихии. Его приняли и, как студенту с тяжелым материальным положением, дали на все три года обучения крохотную стипендию.

В школе тогда учились многие из тех, кому суждено было позже сыграть заметную роль в развитии чилийского театра. Некоторые из студентов были «питукос» — выходцами из богатых семей; учились здесь молодые замужние женщины, которым наскучила замкнутая жизнь в особняках, и молодые люди, флиртовавшие с ними. Были и политически активные студенты, но таких, как Виктор, пришедших из беднейших кварталов, здесь не было.

Я вела в школе класс движения. Их курс был очень талантливым, но Виктор, несомненно, был самым способным. Уроки начинались в половине девятого утра и проходили в подвале театра Антонио Вараса — жутком темном помещении со скользким кафельным полом. Я ожидала, что ребята, естественно, будут прогуливать, но на этом курсе училось столько энтузиастов, что прогульщиков не было. Они относились ко мне с большим уважением, но не прочь были и посмеяться, а к концу года подготовили пародию на мои уроки — полагаю, с подачи Виктора. Я была легкой добычей для пародиста, потому что сама скакала и потела больше других.

Когда Виктор перешел на третий курс, проходили президентские выборы. Сальвадор Альенде, представлявший союз левых сил, боролся против кандидата чилийской олигархии Хорхе Алессандри.

Алессандри поддерживали межнациональные корпорации, и на его предвыборную кампанию были истрачены миллионы долларов. У левых таких денег, конечно, не было, но они часто встречались с народом, организовывали демонстрации. В результате Альенде получил 28,8 процента голосов, Алессандри — 31,1.

Коммунистическая партия Чили вышла из подполья, куда ее почти на десять лет загнал так называемый «лей мальдито» — «закон проклятия» [1]. И Виктор присоединился к движению Коммунистической молодежи: вся его жизнь делала этот шаг неизбежным.

Продолжение следует

Сокращенный перевод с английского
Н. РУДНИЦКОЙ

---

[1] *Так народ называл закон, введенный президентом Габриэлем Гонсалесом Виделой в самом начале «холодной войны»: компартия была объявлена вне закона, и многие сотни тех, кого подозревали в принадлежности к ней, были отправлены в концентрационные лагеря.— Примеч. авт.*

Тоунсон, Мэриленд, 8 августа 1933 года. Милый цыпленок... очень хорошо, что ты себя чувствуешь совсем счастливой, но ты знаешь, что я не особенно верю в счастье. И в несчастье тоже. И то и другое бывает только в спектаклях, в кино и в книжках, а в жизни ничего этого на самом деле нет.

А верю я в то, что живешь так, как сам того заслуживаешь (по своим талантам и качествам), а когда не делаешь то, что нужно, то расплачиваешься за это, и не просто, а вдвойне...

Итак, вот тебе советы твоего глупого отца.

Чего надо добиваться: постарайся быть смелой. Чистоплотной. Умеющей хорошо работать. А также хорошо держаться на лошади. И так далее.

Чего добиваться не надо: не старайся, чтобы ты всем нравилась. И чтобы твоим куклам не было больно. И не раздумывай о прошлом. А также о будущем. И о том, что с тобой будет, когда вырастешь. И о том, как бы тебя ктонибудь не опередил. И о своих успехах. А также о неудачах, если они происходят не по твоей вине. И о том, как больно жалят комары. А также мухи. И прочие насекомые. Не раздумывай о своих родителях. И о мальчишках. И о своих разочарованиях. Как и о своих радостях. Или просто приятных ощущениях.

О чем надо думать: к чему я в жизни стремлюсь? Лучше я или хуже других а) в учебе, б) в умении понимать людей и ладить с ними, в) в способности владеть собственным телом.

Люблю тебя. Отец.

ВАШЕ МНЕНИЕ?

«Милая Скотти...»

Советы отца дочери

...«Милый цыпленок», «милая Скотти» — этими словами начинаются письма выдающегося американского писателя Фрэнсиса Скотта ФИЦДЖЕРАЛЬДА своей единственной дочери, единственному близкому человеку. Первое письмо датировано 1933 годом, когда девочке было 12 лет, последнее — 1940-м, годом смерти писателя.

Мать Скотти страдала неизлечимым душевным заболеванием, девочка воспитывалась в закрытых пансионах и училась в привилегированных колледжах, где ее окружали ровесницы из благоденствующих буржуазных семей, оказывавшие на Скотти скверное влияние. Бедствуя, из последних сил сводя концы с концами, Фицджеральд проявлял бесконечное терпение и заботу о дочери: письма, которые он ей писал каждую неделю, остались памятником настоящей отцовской любви, порою требовательной, но неизменно нежной.

Желание передать опыт, естественное желание видеть дочь более счастливой, чем он сам,— вот, пожалуй, основное содержание этих писем. А жизнь Фицджеральда складывалась нелегко, хотя, пожалуй, начало его писательской биографии было весьма удачным.

Письма Фицджеральда дочери полны и горечи и надежды. Но эти письма не просто факт писательской биографии и не просто советы какого-то определенного отца своему ребенку: нам кажется, мысли писателя могут стать предметом размышлений.

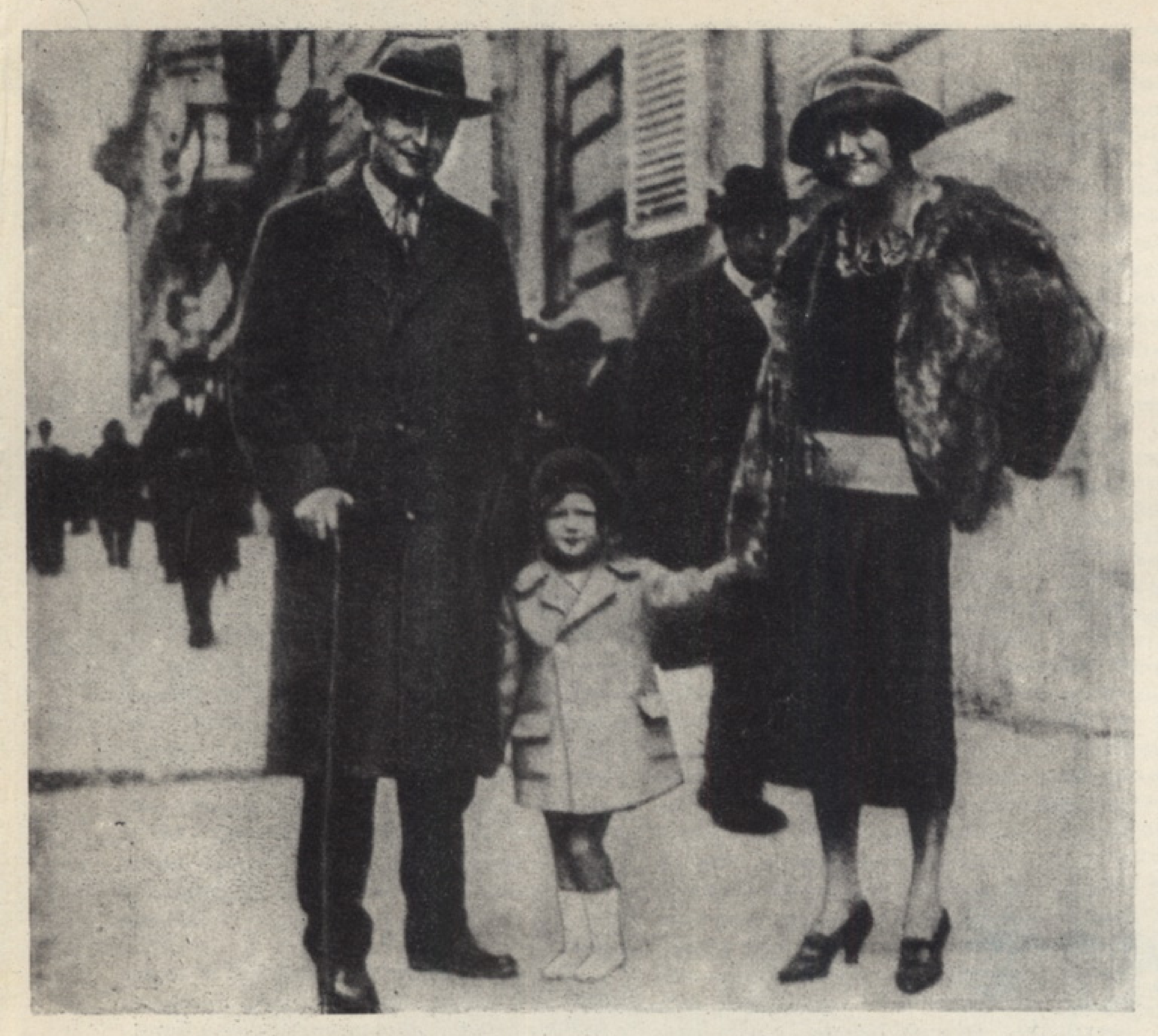
Лето 1935 год. Скотти, малышка... ты уже выходишь из того возраста, когда девочки становятся довольно трудны для окружающих,— это обычно длится с двенадцати до пятнадцати лет, а тебе еще только будет четырнадцать, так что ты опередила других. Подожди, будет и еще конфетка, а пока вот что.

Я уже слышу, как ты язвишь: «Ну вот, папе вечно надо играть в пророка!» В том, что касается тебя, я почти никогда не ошибаюсь,— господи, как было бы хорошо, если бы ошибался. Помнишь, я тебе прислал «выпуск новостей», в котором никаких новостей не было,— ты все гадала над тем письмом и не поняла, зачем мне понадобился заголовок «Скотти теряет голову»? — да затем, что я знал: так и произойдет. Знал, что найдется два-три молоденьких дурачка, которые станут носить тебя на руках, а ты уж, конечно, возомнишь, будто ты сама царица и, разумеется, «потеряешь голову». И не знал я только одного, в чем именно выразятся все эти глупости,— где же мне было догадаться, что они выразятся в этих слишком откровенных письмах, которые ты написала мальчику, не умеющему ни хранить тайну, ни обходиться без пересудов, а мальчик возьмет да и покажет твои послания, да еще тем, кому их показывать не надо было...

Все это, впрочем, чепуха. Боюсь только, что в следующий раз тебя ударит побольнее, ну, ничего, выдержишь, зато научишься устраивать свои дела с толком. Чтобы не переживать таких ударов, наверно, и в самом деле нужно пострадать самой, и тогда, глядишь, тебя озарит, что другие умеют ценить самих себя не меньше, чем ценишь себя ты. В общем-то я за тебя не боюсь. Только ни в коем случае не допускай, чтобы из-за случившегося поколебалась твоя вера в себя,— она замечательна, она прекрасна, если держится на неподдельных достоинствах, таких, как умение работать, отвага и многое другое, но если все дело в том, что ты любишь одну себя, лучше, чтобы эта вера надломилась уже сейчас. Пусть ты вырастешь не себялюбивой и пусть ты будешь твердо в себя верить — тогда все будет действительно хорошо. Сам я до пятнадцати лет не допускал мысли, что в мире существует еще кто-то, кроме меня, и мне это обошлось **очень дорого.**

...Миссис Оуэнс (а она тебя любит) сказала мне: «В первый раз за столько времени Скотти была мила, а то уж я приготовилась, что опять с ней намучусь. Так было с нею хорошо».

А знаешь, отчего было хорошо? Думаю оттого, что впервые ты попробова-

Фицджеральды в Париже. 1925 год.

ла понять **других**, тех, кто живет скромной нелегкой жизнью; ты не требовала, чтобы это они во всем тебя поняли, и была права — они этого просто не смогут, у них ведь не было возможности обитать в «высшем обществе». Раньше ты просто позволяла им вникать в то, что интересовало **тебя** (еще спасибо, что обошлось без снобизма,— ну, за этим я следил строго),— ты и не делала вида, что тебя как-то затрагивает их жизнь, весь их мир,— еще бы, ведь тебе казалось, что, помимо твоих дел, ничто не имеет значения! **Ни разу, буквально ни на минуту ты не озаботилась мыслью** о том, что тревожит **их**, как **им** можно помочь!

[Всякий раз, когда тебе захочется]... покрасоваться перед другими, «подать себя» [тебе следует помнить, что] когда-нибудь ты с треском провалишься (неизбежно — я хотел бы смягчить твою боль, но все равно будет больно, потому что учит только опыт), и это не так страшно, как твое нежелание понять, что ты **малая частица всей человеческой семьи**, а пока ты во всем легкомысленна, и только. (Я видел «популярных девочек», твоих ровесниц, которые в какие-нибудь полгода теряли все, что в них было, оттого что по сути они были эгоистки.) Ты и Персик (подруга Скотти.—Ред.) (она, по-моему, не эгоистка) сейчас обогнали других, потому что вы хорошенькие, но не обольщайся,— пройдет два года, и ты все чаще будешь убеждаться, что другие девочки, не такие привлекательные, найдут себе мальчиков и серьезных и умных, не то что ваши. Вы с Персиком неглупы, но вас обеих собьет с толку это внимание, которое вам оказывают раньше, чем следовало бы...

Очень, очень тебя люблю.

Твой совершенно, совершенно безукоризненный отец.

Эшвилл, Северная Каролина, 17 ноября 1936 года. Милый цыпленок... Множество людей полагают, что жить — значит все время радоваться, и только. Я так не думаю. Но когда мне было двадцать и потом тридцать лет, я тоже умел радоваться и считаю, что ты должна переносить печаль, трагичность мира, в котором мы живем, с известной **бодростью.**

Относительно твоей школьной программы: не может быть и речи о том, чтобы не заниматься математикой... Я хочу, чтобы ты овладела математикой во всем объеме, какой вам дается. То же самое насчет физики и химии. Меня сейчас не волнуют твои успехи по английской литературе и по французской. Если ты до сих пор не овладела двумя языками и не научилась понимать мысли, выраженные на этих языках, ты просто не моя дочь...

Я хочу, чтобы ты была в курсе основных принципов науки, а это, по моим представлениям, невозможно, пока ты не изучишь математику настолько, чтобы иметь понятие о координатных кривых. Писать я научился только потому, что занимался многим из того, к чему у меня не лежала душа.

Люблю тебя. Ф. Скотт Фиц.

(Без даты). Хорошо, я как-нибудь постараюсь не заезжать за тобой на такси в День благодарения, чтобы ты не испытывала неловкости перед девочками из «хороших семей». Тебе не кажется чуточку старомодным называть «хорошими семьями» те, которые живут в лучших районах города? Готов поспорить, что в твоей школе две трети таких девочек, чьи близкие предки торговали обносками в трущобах Нью-Йорка, Чикаго или Лондона. Если ты перенимаешь понятия этих космополитов-богачей, я куда охотнее отдал бы тебя в школу на Юге: пусть там не слишком высокий уровень преподавания, зато понятие «хорошие семьи» еще не сделалось настолько смехотворным. Мне этот род людей давно знаком...

Это люди, лишенные дома, стыдящиеся того, что они американцы, не способные усвоить культуру чужой страны; обычно они стыдятся своих мужей, жен, предков, не умеют воспитывать детей — если их, конечно, хватило на то, чтобы завести детей,— так, чтобы они могли ими гордиться, а кроме того, стыдятся себе подобных и в то же время смертельно друг от друга зависят, представляя опасность для общества, к которому принадлежат,— нужно ли еще что-нибудь к этому добавлять? Ты знаешь, как я отношусь к таким вещам. Если, не застав тебя, я отправлюсь по твоим следам на Парк-авеню, можешь меня не узнавать: скажи, что приходил какой-то безработный из Джорджии или бандит из Чикаго...

Голливуд, Калифорния, 18 апреля 1938 года. ...Известия от учителей схожи вплоть до подробностей и слишком невеселы, чтобы на них задерживаться. Поверь, что я не выдумываю, предлагая тебе приучить себя к тому, чтобы начинать с самого трудного, пока ты еще себя не чувствуешь усталой, причем именно с **самого** трудного, с того, что дается лишь тогда, когда **ощущаешь себя в силах справиться с чем угодно**, все равно, утро сейчас, день или вечер,— и тогда тебе несложно будет научиться искусству сосредоточения. По иронии судьбы, мне уже во взрослой жизни приходилось покупать книги, чтобы овладеть школьными дисциплинами, прежде не вызывавшими у меня ни малейшего интереса... И все оттого, что у меня выработалась тогда неосознанная ассоциация: работа — это нечто неприятное, скучное, необязательное. Девочки, которых ты называешь умницами, не умнее тебя, а в большинстве

и вовсе не так смышлены, не так быстро все запоминают, не так ловко схватывают, но у них головы устроены иначе, и не происходит никакого торможения при одном слове «задание». Убежден, что твоя беда именно в этом, потому что ты ведь так на меня похожа, а в себе я это свойство открыл безошибочно, после того как осуществил тщательный самоанализ. И что же я был за идиот, сам себя дисквалифицировав, когда другие, несравненно менее способные, без малейшего труда получали высокие отметки...

Люблю тебя,
твой родственник по прямой линии.

Студия «Метро-Голдвин-Мейер», 7 июля 1938 года. Милая Скотти, пройдет, наверное, много-много лет, прежде чем я снова буду кому-нибудь писать, и поэтому, пожалуйста, прочти это письмо дважды, каким бы горьким оно тебе ни показалось. То, что ты прочтешь, сейчас, может быть, заставит тебя отшатнуться, но пройдет время, и, перечитав, ты увидишь, что все это правда. Для тебя я взрослый человек, которого «надо слушаться», а когда я рассказываю тебе про свою юность, тебе все это кажется неправдоподобным — в молодости не верят, что и отцы когда-то были молодыми. Вот я и решил тебе написать, возможно, так ты лучше поймешь то, что мне нужно сказать тебе.

Я в твоем возрасте жил великой мечтой. Эта мечта становилась день ото дня отчетливее, и я уже мог точно сказать, чего я хочу, и заставить других прислушаться. Потом осуществление мечты отодвинулось — в тот день, когда после всех своих колебаний я все-таки решил жениться на твоей матери... Появилась ты, и много лет наша жизнь была счастьем. Но я превратился в человека, чья мечта недостижима; твоя мать хотела, чтобы я очень много работал **для нее** и явно мало — для своей мечты. Она слишком поздно поняла, что достоинство человеку дает работа, только она одна; тогда начались ее попытки работать самой, но время для этого уже ушло, и она не выдержала гонки за временем и с тех пор уже не поднялась...

Я очень долго ненавидел ее мать за то, что та не воспитала в ней никаких полезных жизненных навыков, да и вообще не научила ее ничему, кроме самонадеянности и уверенности, что все как-нибудь «обойдется». С тех пор я не выношу женщин, воспитанных для бездеятельности... Иногда мне кажется, что бездеятельность — признак особой категории людей и, что бы с такими людьми ни делать, ничего не изменишь: они умеют лишь согревать под собой стул за общим столом, и этим исчерпывается их вклад в деяния человеческие...

Ты достигла того возраста, когда взрослому можешь быть интересна лишь при условии, что в тебе чувствуется какое-то будущее. Ребенок очарователен, потому что на обычные вещи он умеет смотреть свежими глазами, но годам к двенадцати эта способность утрачивается. Подросток не может ни продемонстрировать, ни сказать, ни сделать ничего такого, что взрослый не сделал бы лучше...

Подведем итог: с того времени, как ты научилась в лагере хорошо нырять, ты, не считая мелочей, ни разу не заставила меня гордиться тобой, радоваться за тебя; а сейчас ты распустилась настолько, что такого еще не бывало. Меня нисколько не интересуют твои успехи в качестве девицы, которая «без ума от общества»; это было модно году в 1925-м. Я не хочу никаких таких успехов — мне они так же скучны, как обед в обществе владельцев отеля «Риц». Пока я не чувствую, что ты «к чему-то идешь», мне тяжело с тобой, потому что невыносимо видеть, как глупо и пошло ты тратишь время. Но зато когда я — так редко — улавливаю в тебе какое-то серьезное стремление, желание серьезной жизни, в мире нет человека, с которым я хотел бы быть вместе больше, чем с тобой. Потому что я не сомневаюсь, что в тебе что-то есть, что у тебя настоящий вкус к жизни, настоящая мечта — и это твоя собственная мечта. И моя цель — соединить все это с чем-то прочным, пока не окажется слишком поздно... Теперь слушать тебя скучно, как будто последние два года ты провела в школе для умственно отсталых, а все свои сведения о жизни черпаешь из «Лайфа» с его картинками и из книжек серии «Романы про любовь»...

Я никогда не перестану тебя любить, но интересными для меня могут быть только те люди, которые думают и работают так же, как я, и вряд ли **у меня** в этом отношении что-нибудь изменится — я уже не в том возрасте. Изменится ли что у тебя — захочешь ли ты, чтобы что-то изменилось,— будет видно.

Отец.

Студия «Метро-Голдвин-Мейер», 19 сентября 1938 года. ...Запомни: то, что ты собою представляешь, то, что тебя волнует в возрасте от пятнадцати до восемнадцати лет, уже не переменится до конца жизни. И чувствуешь, что вот прошло всего два года, а половина стрелок-указателей **уже повернута в обратном направлении,** еще два — и ты отчаянно ищешь, какие же из них нацелены вперед, и уж их-то боишься потерять из виду отчаянно!

Любящий тебя отец.

Студия «Метро-Голдвин-Мейер», осень 1938 года. Милая Скотти... у нас с тобой совершенно разные представления о жизни: ты стремишься быть как можно привлекательнее и очаровательнее для каждого встреченного тобой существа мужского пола, включая сюда мумий из музея, прирожденных тупиц, будущих членов ордена монахов-тамплиеров и просто всякое отребье. А я считаю, что сейчас, и то не так уже обязательно, ты должна быть привлекательной лишь для тех очень немногочисленных мальчиков, которые еще станут людьми выдающимися в нашей стране или, по крайней мере, смогут разобраться в жизни по-настоящему.

Эти два представления несогласуемы, полностью и решительно противоположны, контрастны и **непримиримы!** А ты этого **никогда** не понимала!

Энсино, Калифорния, декабрь 1938 года. Милая Скотти... в одном ты на меня похожа — и у тебя вроде бы все идет просто блестяще, а на самом деле исподволь все разваливается, причем бесповоротно. Но знай, что в трудное время, когда борешься изо всех сил и чувствуешь, что не добиваешься ничего, когда тебя давит отчаяние,— вот в это-то время ты и идешь вперед, пусть медленно, зато верно... С любовью...

Отец.

Энсино, Калифорния, зима 1939 года. Милая Скотти... надеюсь, ты как следует повеселишься на принстонском балу, только прошу тебя, не будь слишком... а впрочем, хватит предостережений, без ошибок все равно ничему не выучиться. Скажу одно: «Пожалуйста, ни в чем не будь **слишком**», а если будешь **слишком,** то не заставляй меня выступать в роли родителя, отвечающего за твои промахи...

Энсино, Калифорния, 25 января 1940 года. Милая Скотти, поскольку наша переписка по твоей милости явно захирела, я заключаю, что ты влюблена. Не забывай об одном: привлекательные девушки в 19—20 лет подвержены болезни, называемой истощением чувств. Надеюсь, тебя эта болезнь обойдет стороной...

Очень тебя люблю. Отец.

Энсино, Калифорния, 27 марта 1940 года. Милая Скотти... утром получил письмо из Балтимора и глубоко встревожен — что ты натворила со своими волосами? Мне об этом написали сразу три человека. Пожалуйста, нельзя ли сделать так, чтобы твоя прическа не слишком уж бросалась в глаза? Ты так постаралась эффектно выглядеть, что, надо думать, сама не представляешь, какое теперь производишь впечатление. Понятно, когда женщины, которым за тридцать, прибегают к таким средствам, но тебе-то для чего подражать стилю, вышедшему из моды даже в кино?..

Удачи тебе на весенних экзаменах. Я знаю, они самые трудные, и мне за тебя будет по-настоящему страшно, когда они начнутся. Должно быть, еще и оттого, что в твоих письмах чувствуется оттенок самоуверенности и наплевательства, которого я не замечал уже больше года. **Прошу тебя,** хоть немного настройся на серьезное испытание.

Обнимаю тебя. Отец.

P. S. **Я могу** понять, откуда эта самоуверенность,— боже мой, да у меня самого ее было с избытком. Но так чертовски трудно ее опознать в самом себе, ведь **так много** хочешь сделать, а время, которое нам отпущено, так ничтожно.

Энсино, Калифорния, 7 мая 1940 года. Милая Скотти, мы друг другу пишем, не отвечая на вопросы, которые сами же задаем. Ну вот, я сейчас отвечу на твой вопрос. Ты интересуешься, что труднее — создать в искусстве новую форму или усовершенствовать уже имеющуюся. Лучший ответ тот, который дал Пикассо, когда его о том же самом спрашивала Гертруда Стайн [1],— он с горечью сказал: «Ты что-то создаешь, а потом приходит другой и приглаживает тобою созданное».

...Теперь насчет этого твоего журнальчика. Тебя и в дальнейшем будут интервьюировать, и я еще раз прошу тебя не обсуждать с газетчиками ничего из того, что касается твоей матери или меня. Как-то ты меня повергла в изумление, заявив, что чуть не завтра примешься писать наши биографии. Для себя я сразу и навсегда решил, что о своих родителях не напишу ни строчки, пока не пройдет по меньшей мере десяти лет со дня их смерти, а поскольку мне только сорок три и, может быть, я еще совсем не все сказал, твое намерение выглядит преждевременным. Ты уже совсем взрослая и должна понять, как неразумно распространяться о наших семейных делах, но все равно будь осторожна, они из тебя попробуют что-нибудь вытянуть любыми способами.

Обнимаю тебя, безумный Фиц (в прошлом — Гроза Сан-Франциско).

Голливуд, Калифорния, 12 июня 1940 года. Скотти, маленькая, спасибо тебе за твой подробный отчет — я счастлив и ни на минуту не сомневаюсь, что ты в самом деле работаешь как следует. Верю, что так теперь будет всегда, и мне это радостно... Лучше избери какую-нибудь сложную и новую научную дисциплину и постарайся ее освоить, а какие у тебя будут по ней баллы, неважно. Но для этого нужно к самой себе относиться с уважением, а ты этого не умеешь и потому-то и раздражаешься из-за чепухи. Сомнение, неуверенность — ты им подвержена в точности, как я, и страдаешь от них не меньше, чем я страдаю от своей неумелости в денежных делах и от былой своей беспечности. Вот твоя ахиллесова пята, а никогда еще не бывало, чтобы ахиллесова пята затвердела сама собой. Она со временем лишь становится все более уязвимой. То немногое, чего я добился, завоевано самым тяжким и упорным трудом, и теперь я так сожалею, что позволял себе расслабляться, оглядываться на пройденное, когда надо было, написав «Великого Гэтсби», сказать себе твердо: «Я нашел свое настоящее дело, отныне и навсегда оно для меня самое главное. Оно для меня высший долг, я без него ничто...»

Голливуд, 18 июля 1940 года. Милая Скотти, среди многого другого это лето показало, что твое образование пока чисто теоретическое. В общем я не против этого и считаю, что так и должно быть, когда готовишься к литературному труду. Но обстоятельства таковы, что едва ли у тебя окажется талант, способный быстро раскрыться,— большинство моих современников начинали не в двадцать два года, а лет в двадцать семь — тридцать, даже позже, и предварительно были кто газетчиками, кто учителями, кто матросами на судах, ходивших без расписания, а кто солдатами на войне. Рано раскрывающийся талант обычно по своему типу поэтический, таким во многом был и мой. Талант прозаика вызревает по-другому, тут нужно многое видеть и научиться тщательно отбирать или, проще говоря, нужно, чтобы было что сказать и нужно умение сказать это интересно и очень внятно.

Не знаю, читала ли ты что-нибудь этим летом,— я имею в виду, читала ли настоящие книги, такие, как «Братья Карамазовы», или «Десять дней, которые потрясли мир»... О своем чтении ты мне никогда не пишешь, не считая тех отрывков, которые вы проходите в колледже, верней, заглатываете, потому что вас заставляют. Я помню, ты прочла несколько книг, которые я тебе давал прошлым летом, но больше на эту тему я от тебя не слышал ни слова. Ну, к примеру, читала ли ты «Отца Горио», или «Преступление и наказание», или хоть «Кукольный дом»?.. Хорошего стиля не добиться, если ты не прорабатываешь шесть-семь самых лучших прозаиков каждый год. Точнее, стиль появляется, только он не становится неосознанным соединением всего, что тебя восхитило, а лишь отражением манеры последнего из прочитанных тобой авторов, слабеньким журналистским настоем.

Люблю тебя. Отец.

ВАШЕ МНЕНИЕ?

Голливуд, Калифорния, 5 октября 1940 года. Милая Скотти... утешать должны не мечты «о счастье и наслажденьи», а те более глубокие обретения, которые приносит борьба. Зная это теоретически по опыту великих людей и по их умозаключениям, ты научишься извлекать намного больше хорошего из всего, что выпадает тебе на долю.

Ты пишешь, какое у вас замечательное поколение, а мне кажется, что вам, как всем американцам со времен Гражданской войны, свойственно представление, будто именно вы получите для себя все, что ни есть на свете...

Ну пусть у тебя все будет хорошо. Ты никогда не отзываешься на те серьезные вопросы, которые находишь в моих письмах. Даже о своих занятиях пишешь только вообще, а не в подробностях...

Люблю тебя. Отец.

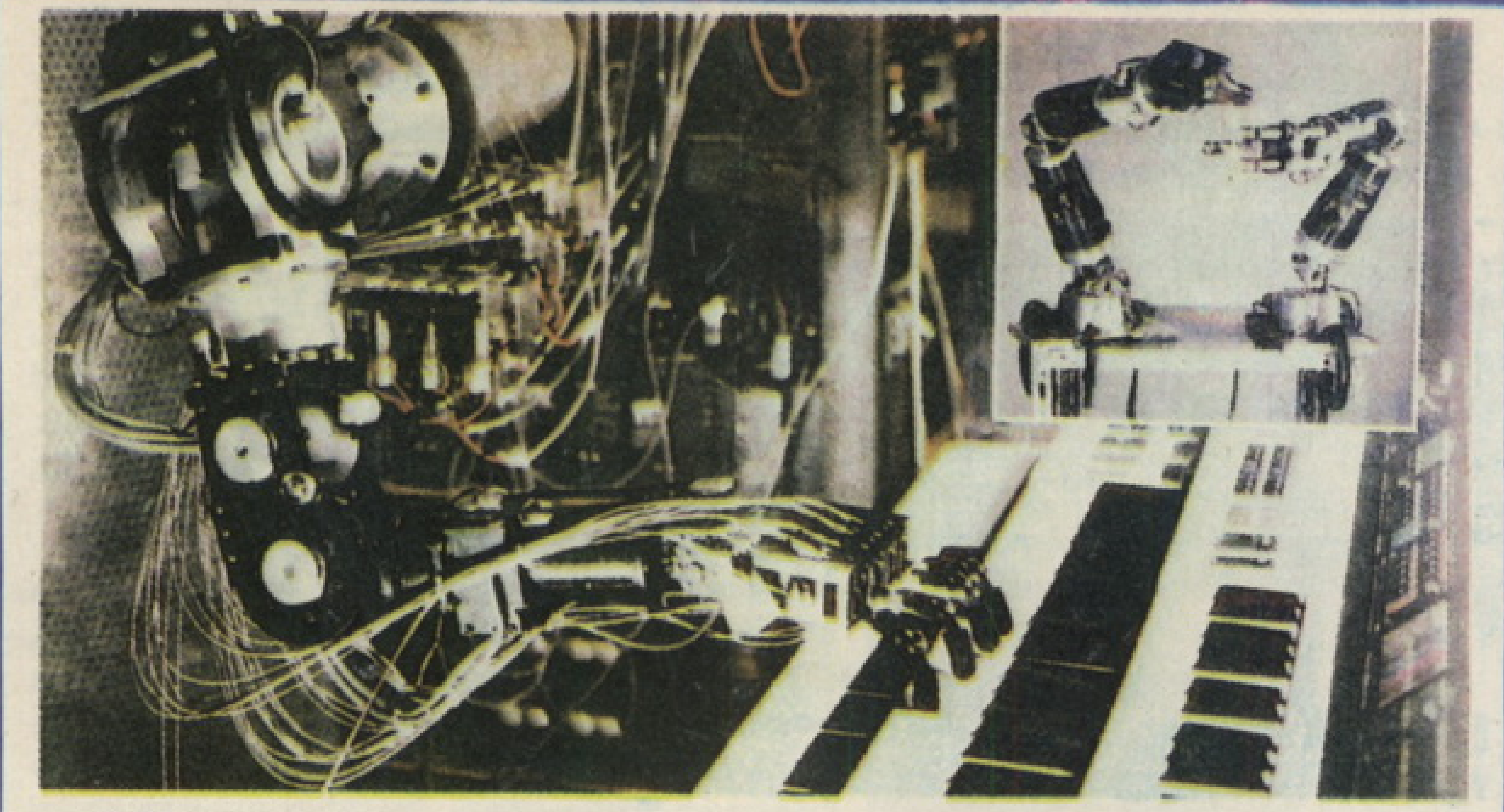
Голливуд, Калифорния, 29 ноября 1940 года. ...С Н. я не знаком и его облик восстанавливал по кусочкам из того, что ты мне рассказывала, из того письма, которое ты мне показала, и т. д. Похоже, он слишком вылощен. ...Когда человек в 21 год испытывает усталость от жизни, это обычно значит, что он устал от чего-то, что в нем самом. В одном я убежден твердо: за ближайшие два года ты увидишь много действительно замечательных мужчин. ...Для такой девушки, как ты, единственная опасность состояла в том, что легко было впасть в состояние эмоциональной притупленности уже годам к шестнадцати. Надеюсь, с этой опасностью мы более или менее совладали, заставив тебя в эти решающие два года главным образом работать. А теперь жизнь должна быть для тебе радостной, и времени у тебя впереди сколько угодно. Только бы ты вышла не за такого, кого не различишь в толпе.

Обнимаю тебя. Отец.

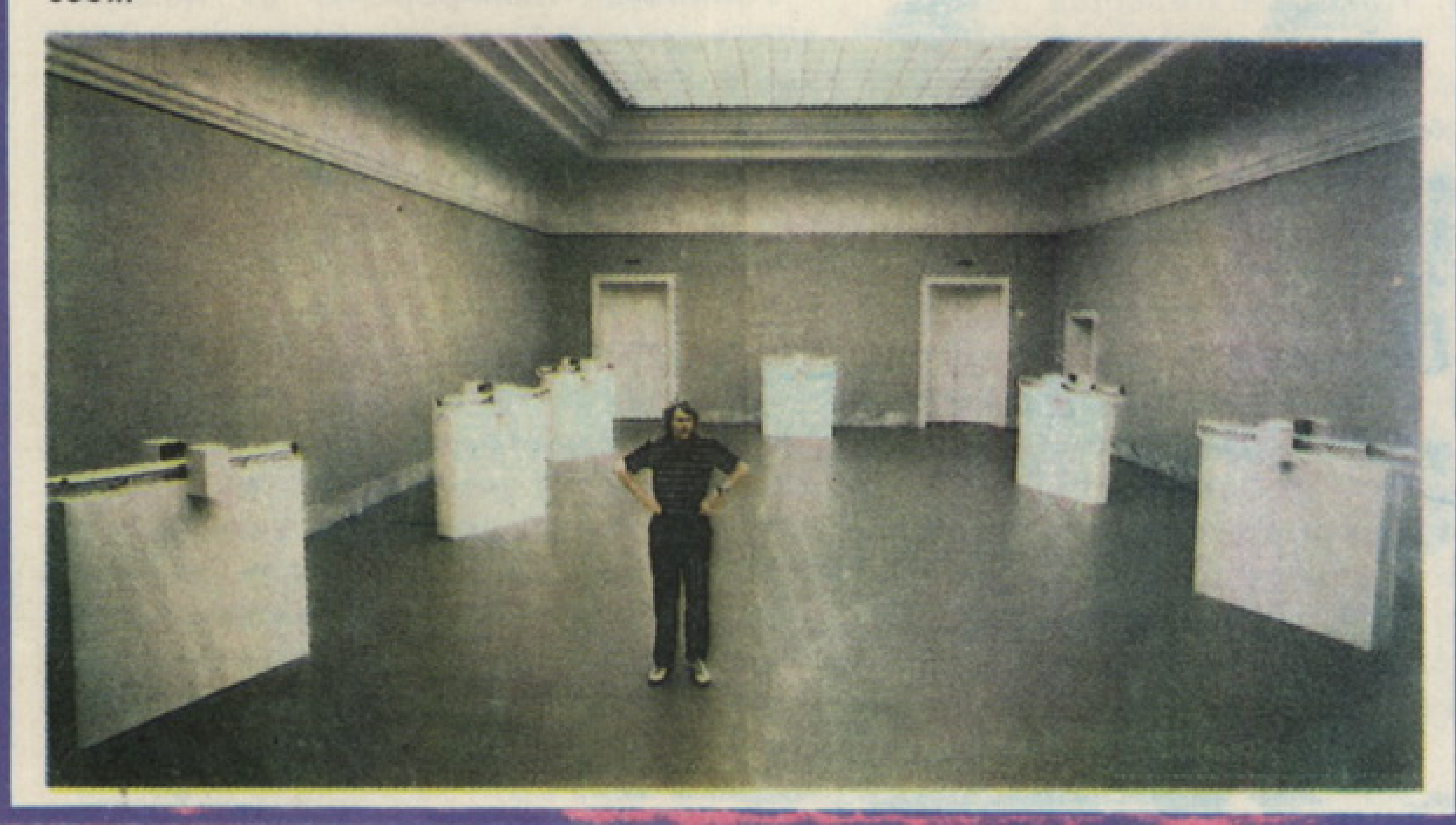
(Без даты) ...Научись относиться к идеям серьезнее. Нельзя ни игнорировать, ни отвергать, ни обходить тот факт, что в мире происходят строгие процессы, и перед ними и ты и я как личности ничтожны, словно пыль. Как-нибудь, когда будешь испытывать чрезмерную храбрость, желание всем на свете перечить или когда тебя в колледже обойдут в чем-то стороной, прочти в «Капитале» страшную главу «Рабочий день», и увидишь, что тебя всю перевернет,— навсегда.

Перевод с английского
и введение А. ЗВЕРЕВА

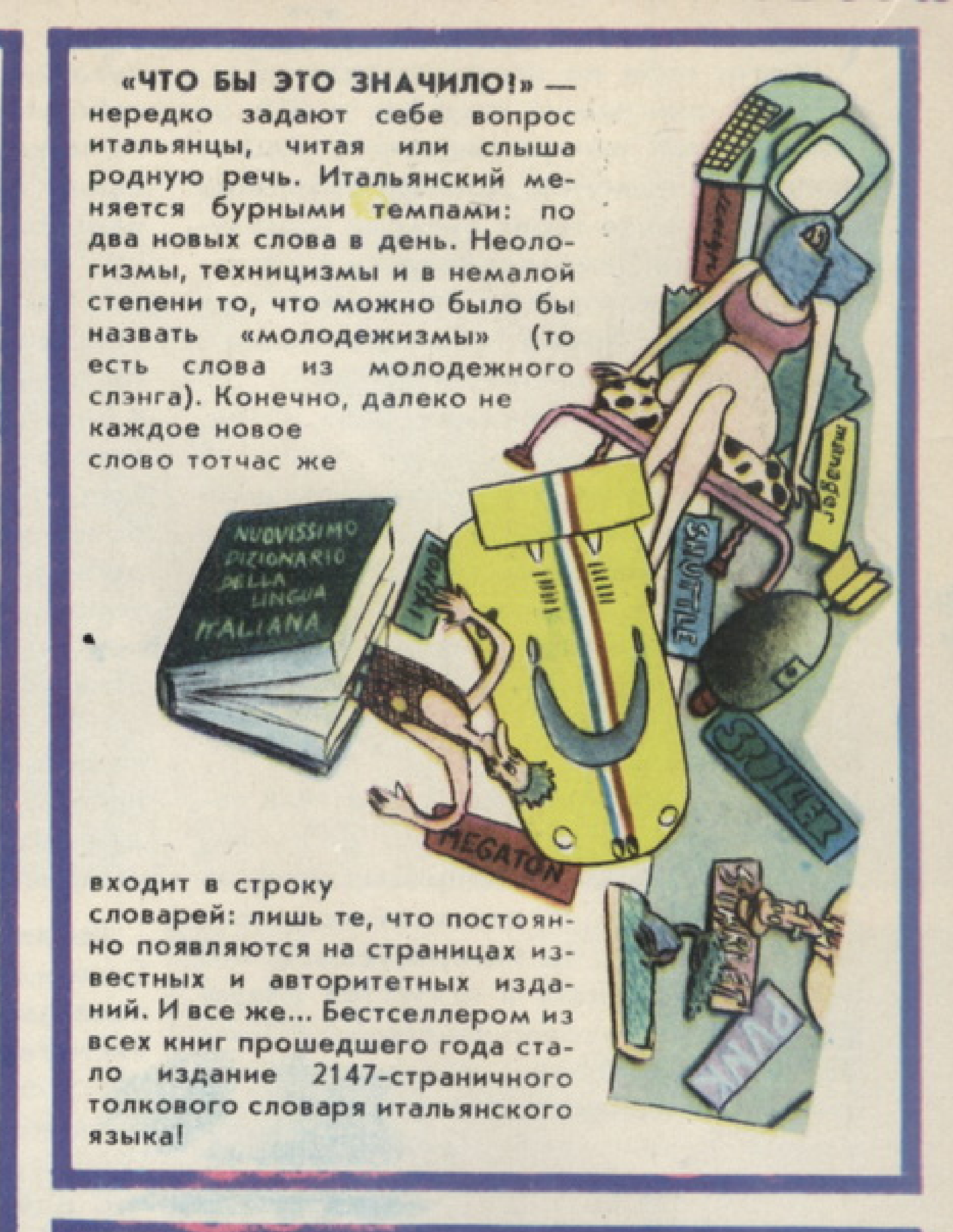
[1] *Гертруда Стайн (1874—1946) — американская писательница. Стайн принадлежит выражение «потерянное поколение».— Примеч. ред.*

СПОЕМ, КОМПЬЮТЕР! Компьютеры пришли в искусство. Составьте соответствующую программу, и электронный исполнитель, сконструированный в токийском университете Васеда, исполнит Шумана или Баха, имитируя любого известного пианиста. И это еще не все. Западногерманский художник Штефан фон Хюне с помощью компьютеров воплотил идею, которой был одержим долгие годы,— не только люди должны реагировать на произведения искусства, но и произведения искусства «воспринимать» своих поклонников. Так родились скульптуры — симбиоз музыкальных инструментов, мебели и ЭВМ. При появлении зрителя скульптуры оживают, начинают дышать, звучать, гудеть, шевелиться, «отвечать» на движения человека и его речь. Казалось бы, диалог между произведением искусства и человеком состоялся. Каково же было удивление художника, когда выставленные в залах музея в Баден-Бадене скульптуры ожили, не дождавшись первых зрителей,— они стали реагировать сами на себя.

«ЧТО БЫ ЭТО ЗНАЧИЛО!» — нередко задают себе вопрос итальянцы, читая или слыша родную речь. Итальянский меняется бурными темпами: по два новых слова в день. Неологизмы, техницизмы и в немалой степени то, что можно было бы назвать «молодежизмы» (то есть слова из молодежного слэнга). Конечно, далеко не каждое новое слово тотчас же входит в строку словарей: лишь те, что постоянно появляются на страницах известных и авторитетных изданий. И все же... Бестселлером из всех книг прошедшего года стало издание 2147-страничного толкового словаря итальянского языка!

КОГДА НЕ ХВАТАЕТ ТЮРЕМ. Кривая роста преступности в США все лезет вверх. Федеральные власти не успевают со строительством новых мест заключения, а «население» тюрем между тем только за последние десять лет увеличилось вдвое. Вот и приходится начальникам исправительных учреждений чесать затылки, где разместить заключенных. В какой-то мере выручают Олимпиады. Ведь Олимпийская деревня Лейк-Плэсида строилась, как известно, с дальним прицелом — теперь там тюрьма. Решили перенять этот опыт и в Лос-Анджелесе. Закончатся игры, разъедутся спортсмены, и в олимпийских сооружениях справят новоселье заключенные. Ну а пока им приходится ютиться вот так...

НИКОГДА НЕ ПОЗДНО. «Заголовком к своей новой песне я взял фразу из речи Чемберлена, произнесенной им после встречи с Гитлером в 1938 году: «Я принес вам мир». Что было потом, знают все,— сказал известный английский рок-музыкант Элвис Костелло.— Уж очень все это напоминает фразы наших сегодняшних политиков типа «теперь, когда у нас есть ракеты, мы в безопасности». Такое же вранье и лицемерие. Пессимисты твердят: вот вы пели-пели, а ракеты все равно здесь. Что ж, значит, у певцов новая задача: мы должны убедить людей в том, что они могут заставить правительства эти ракеты убрать. Никогда не поздно бороться против глупости».

МЕНЯЮ РАФАЭЛЯ НА КВАРТИРУ. В 17 лет, еще не великий, Рафаэль создает алтарную композицию, посвященную Николаю-угоднику; и вот ее фрагмент — «Ангел», утерянный еще полтора века назад, наконец найден и (заметьте) в год 500-летия Рафаэля. «Нашел» шедевр таксист из Страсбура, и вот как: в наследство от матери, уроженки Италии, ему достается картина неизвестного художника (увы, не деньги, нужные на покупку квартиры). Наследник пытается картину продать страсбурскому музею — тщетно. Посылает фото картины в Лувр, долго-долго лежит оно в архивах (возможно, так и пролежало бы веки вечные), пока его не обнаруживает (случайно) хранительница итальянской коллекции Сильви Бегин... Так Лувр купил одиннадцатого «Рафаэля», а счастливчик таксист — квартиру.

ЖАННА Д'АРК АТОМНОГО ВЕКА. Промышленная корпорация специализируется на военных заказах. Жизни рабочих грозит облучение. Владельцы корпорации хотят скрыть опасность. В борьбу с ними вступает девушка. Сюжет для кино? Да. Но только взятый из жизни. Фильм «Силквуд» уже снят. В заглавной роли — известная актриса Мэрил Стрип. «Этот фильм — трагедия,— говорит Мэрил.— И в нем все правда. Карен Силквуд, работница компании Керр-Мак Джи, несмотря на угрозы, не побоялась выступить против владельцев фирмы. 13 ноября 1974 года она выехала из дома на машине, чтобы встретиться с корреспондентом газеты и передать ему разоблачительные документы. До места встречи Карен не доехала... Эта девушка — Жанна д'Арк атомного века».

НОВЫЕ ПЛАТЬЯ «КОРОЛЯ». Они, конечно, выглядят более «пейзанками» с костюмированного бала, нежели русскими крестьянками, но король парижской моды, Ив Сен-Лоран, утверждает, что на создание данной коллекции вечерних туалетов его вдохновили платья наших с вами прабабушек. Эти наряды, а также многие другие — и для работающих только над собою дам, и для нормальных работающих женщин,— созданные за тридцать лет, были представлены на выставке в нью-йоркском музее «Метрополитэн». «Я придумывал новые силуэты, я делал платья «под Веласкеса» или «под Пикассо», но больше всего я люблю одевать тех, кого я люблю. У меня есть мечта: сделать платья для Эллы Фицджеральд, одной из самых умных, добрых и по-настоящему красивых женщин на свете».

РЕЧКА, ПРИМИ ТАБЛЕТКУ! Бастер Симпсон художник, а по совместительству врачует больных. Вокруг Сиэтла, где живет Симпсон, больны озера и реки: их заразили кислотные дожди, уже давно отравляющие природу США. Пока власти спорят о причинах бедствия, пока защитники природы воюют с промышленниками, не желающими тратиться на бесприбыльные очистные сооружения, кислотность водоемов повысилась настолько, что в Сиэтле стала кислой даже водопроводная вода. Проклиная бездеятельность властей, соседи Симпсона пьют кислый чай, едят кислые супы, а художник пытается лечить. Огромными таблетками из известняка пичкает он окрестные водоемы. И хотя его действия противоречат древнему принципу медицины — лечи не болезнь, а больного,— отчаянные усилия новоявленного Айболита, напоминающие поединок рыцаря из Ламанчи с мельницами, вызывают грустное сочувствие у жителей Сиэтла.

Мы привыкли считать Токио городом, где вечно спешащих людей на каждом шагу подстерегают стихийные бедствия. Но для господ собак — это земля обетованная. К их услугам в Токио аптеки, школы и больница, парикмахерские и салоны одежды — все, вплоть до собачьего кладбища. Для них продают лекарства, жевательную резинку, обувь, дождевики. Им доступно даже то, чего нет у людей,— лаборатория по изучению чистоты породы.

Я побывал в обществе охраны овчарок, находящемся в районе Суйдобаси. Мне показали несколько собачьих родословных. Голова пошла кругом от совершенства этого документа, в котором были расписаны имена и характеристики предков до пятого колена. Я в своей генеалогии запнулся бы уже на дедушке. История моих предков окутана мраком неизвестности, я даже не знаю, из каких они мест. Я давился от смеха, изучая родословные четвероногих господ.

Я посетил собачью школу в Нэрима. Мне выдали «Правила приема». Обучение платное. Деньги берутся в зависимости от размера собаки — за крупную 15 тысяч, за маленькую — 10 тысяч иен в месяц. Охотничьих собак для натаски вывозят в Каруидзава, поэтому за таксу платят 15 тысяч иен. Курс обучения — три месяца, что по минимуму обходится в 30 тысяч иен. Отдельная плата взимается за доставку собаки в школу и медицинское обслуживание.

Десять учеников выглядывали из персональных конур, но урок проводился с каждой собакой в отдельности. Это вам не университет, находящийся поблизости. Собак подбирают в группы по сообразительности и занимаются по индивидуальной программе. По желанию владельца обучение ведется не только на японском, но и на иностранных языках по выбору — английский, немецкий, испанский. При выпуске собаки из школы хозяин получает словарик, в котором в японской транскрипции написаны все команды на разных языках.

В школе я узнал невероятную вещь. В Японии около 200 тысяч слепых, но на всю страну каких-нибудь три собаки-поводыря. В Токио нет ни одной. Дело в том, что на обучение собаки-поводыря требуется около полутора лет. Никто из слепых не в состоянии заплатить за такой курс, поэтому каждый день на улицах двести тысяч незрячих передвигаются на ощупь и раздается тревожное постукивание их палок. Некоторые любители собак считают, что вообще не следует уродовать собаку и делать из нее поводыря, так как животное лишается естественной свободы и озлобляется из-за ненавистных тренировок.

Школа посылает инструкторов на дом, так что собака может получить «домашнее образование». В случае отъезда хозяина школа берет на себя заботы о его питомце. Летом занятия проводятся в летнем лагере в Каруидзава. В этом курортном месте строят специальные дачи, проведен телефон. Выяснилось, что собачьи пансионы в Каруидзава пользуются хорошей репутацией и устроиться туда не так-то просто. Летом в Токио люди изнывают от удушливой жары, давятся в переполненных электричках, не могут ни напиться вдоволь, ни вымыться из-за нехватки воды. Постоянно тревожатся, не рухнет ли мост, не лопнут ли газовые трубы, а тем временем собачья элита наслаждается отдыхом на фешенебельном курорте.

Побывал я и в единственной на всю Японию больнице для кошек и собак. В кабинете собака помесной породы, но из приличного дома, прибывшая в сопровождении своей госпожи со служанкой, принимала сеанс ультрафиолетового облучения. Говорят, эти процедуры эффективны при кожных заболеваниях. Ассистент в белом халате массировал пациента щеткой. Хозяйка протянула служанке тысячу иен, и та передала их ассистенту. 1800 иен за пятнадцать минут.

— Собаки — плотоядные животные. Зубы, система пищеварения у них приспособлены к мясной пище, поэтому рис и овощи не показаны. Мясо годится любое — вырезка, филе. Крабов, осьминогов, раков, каракатиц следует исключить из меню. Рекомендуется белая рыба. Кроме этого, полезны мякоть дичи и нежирное мясо. Дикие собаки питаются мышами, поэтому домашней целесообразно включать в рацион препараты, изготовленные из эндокринных желез грызунов,— говорит, приветливо улыбаясь, главный врач больницы господин Садзи, через руки которого за 38 лет практики прошло 250 тысяч собак. Его глаза светятся профессиональной уверенностью и мудростью.

Из сборника «Вид с Токийской башни», готовящегося к печати в издательстве «Прогресс».

В магазине для собак в районе Нихонбаси, кроме ошейников и поводков, продаются самые разнообразные вещи. Глазные капли. Сердечные препараты. Дерматологические средства. Дезинсекталь. Желудочные микстуры. Поливитамины. Витамин роста Е (для инъекций в ампулах и в таблетках). Мыло (жидкое, кусковое, порошковое). Жевательная резинка. Мясные консервы. Питательные молочные смеси. Обувь. Шляпки. В универмаге «Миракия» на втором этаже в отделе женской одежды есть уголок «Для вашей собаки». Там вам предложат одежду для улицы, белье, дождевики.

— Что пользуется самым большим спросом?

— Пожалуй, лучше всего идут дождевики. Охотно покупают и нижнее белье, в них собачки очень симпатичны дома,— отозвалась любезная продавщица.

— И много продаете?

— Самая недорогая покупка обходится в тысячу иен. Некоторые приобретают товаров на восемь-девять тысяч.

11 ноября в 11 часов 11 секунд дня в этом универмаге открылся парад собачьей моды, в котором участвовало 114 собак. Демонстрация мод сопровождалась выступлениями известных комических актеров.

Когда умирает собака, вкусившая такой роскошной жизни на земле, последние заботы о ней берет на себя специальное похоронное бюро в Сибуя. Собака отправляется на вечный покой на кладбище для животных. Оно называется «Парк упокоения кошек и собак».

Парк — последнее пристанище бурных эмоций тех, кто помешался на любви к животным,— занимает под собачьи

ДЛЯ ГОСПОД СОБАК

Такэси КАЙКО,
японский писатель

Рис. С. ТЮНИНА

могилы более 13 тысяч квадратных метров. Собак можно придать земле или кремировать. При кладбище есть свой крематорий, колумбарий, часовня, комната отдыха, автостоянка. В праздники весеннего и осеннего равноденствия в часовне совершается заупокойная служба. Похороны можно заказать по любому обряду — синтоистскому, буддийскому, христианскому.

На могилах цветы, курятся благовония. Среди нескончаемой вереницы надгробий попадаются великолепные мраморные сооружения, украшенные фотографиями собак. Читаю надписи: «Тико. Понпонтян. Таму. Дорис. Бэлл. Бэри. Мэко. Под этим камнем покоится милая крошка. Покойно ли в том мире? Спи спокойно. Прощай. Как лепесток цветка, унесенный злым ветром...»

На могилу приходит чета бездетных стариков. Каждую годовщину смерти могилу посещает девушка, которую в младенческом возрасте собака спасла от падения с крыши. Старик, который похоронил собаку, заменявшую ребенка, потом жену, любившую собаку. Он склоняется над могилой с думой о том, что надвигается его очередь. Мужчина просит прощение за то, что женился второй раз, не выяснив, любит ли новая жена собак. Вот идет женщина с клоком шерсти в руке. Прошло несколько дней после погребения, а она никак не смирится с утратой. По ее просьбе могилу разрыли, и она на память срезала шерсть с уха собаки.

Другая женщина часами просиживает на корточках перед деревянным надгробием, негромко ведя нескончаемый разговор. Одни, словно лишившись рассудка после смерти собаки, не могут расстаться с могилой, другие после похорон уже никогда не появляются на кладбище. Третьи, погрустив, ставят по бедности скромную поминальную табличку и раз в год навещают могилу в день смерти. Был случай, когда на похороны одной собаки собралось 170 человек на собственных автомобилях. Среди приехавших выразить соболезнование были жители Кюсю и даже иностранец, специально прилетевший на погребение.

Я люблю кошек. У меня не было сиамских, сибирских и других красавиц. Я всегда с удовольствием держу простых кошек и наблюдаю за ними. Даже пришел к выводу, что внимательное изучение кошек освобождает мужчину от необходимости вникать в характер женщины. Они удивительно похожи высокомерием и кокетством. В мире животных нет других существ, которые могли бы так проникать в душу человека, отвергать его господство и быть столь праздноленивыми и несносными, прелестными и изысканными, как кошки.

С давних пор не стихают споры и нет надежды на компромисс между собачниками и кошатниками, но я, как любитель кошек, заявляю, что мне неприятна собачья преданность. Меня раздражает выражение покорной забитости, застывшее в собачьих глазах.

У меня есть подспудное чувство, что любители кошек и поклонники собак едины в одном — в них живет какая-то незатягивающаяся рана. Быть может, человек привязывается к животному, потому что не находит общего языка с себе подобными? Любя кошку или собаку, человек жалеет себя. Я не верю обществу защиты животных, которое провозглашает приторный, как фруктовый сироп, лозунг равной любви к животным и людям.

Я знал людей, которые с ума сходили из-за кошек и собак, но были холодны с человеком. По-моему, чувства к животным носят эгоистический характер, они не распространяются на окружающих. Поэтому я считаю, что гуманизм, который зиждется на человеческой солидарности, и любовь к животным не имеют ничего общего. Невозможно создать произведение о животном, не наделив его человеческими свойствами. Этот факт — лишнее доказательство эгоистичности любви человека к животному миру. Так что будем разделять два вида любви. (Тем не менее книги о животных — увлекательная и прекрасная область литературы.)

Я не величаю своего кота «Каменная голова», «Крошка», «Великий малыш», «Железный енот», не покупаю ему глазные капли и дождевик, не отправляю на летние каникулы в Каруидзава. Мой кот — ветер. Дует туда, куда ему хочется. Мне остается только предоставить кота самому себе. Он может шастать по капустному полю, валяться в канаве или рыться в мусорном ящике. Когда этот высокомерный и грязноватый гуляка за полночь возвращается домой через окошко в туалете и сладкоголосо извещает меня о своем прибытии, я как ненормальный приветствую его безалаберным мяуканьем.

Братья и сестры читатели!

Тысячи, десятки тысяч поминальных табличек и надгробий на могилах кошек и собак говорят о многом. Посмотрите на имена тех, кто поставил памятники. Киноактер, окруженный сонмом подхалимов. Киноактриса. Политик, погрязший во лжи. Промышленник, сидящий на шее неимущих. Писатель, который марает бумагу графоманскими сочинениями. Обыкновенные обитатели города. Страдания обманутой женщины. Серое одиночество и печаль старика, ушедшего на пенсию. Рыдания по невинному младенцу. Все, что заставляет людей мучиться. Страх. Настороженность. Оцепенение. Содрогание. Это поле лицемерия и доброты.

Любовь человека к собаке в мире, где людские привязанности тоньше барабанной перепонки. Чувство, рядом с которым меркнет человеческая любовь. Трудно выразить в словах, кто прав, а кто заблуждается, но нет предела исступлению людей, скорбящих на собачьем кладбище. Есть собаки, уезжающие на курорты от токийской жары, и есть люди, погребенные в угольных шахтах. Их мольбы о спасении тонут в безмолвии.

**Перевела с японского
Е. РЕДИНА**

Элен ЮСТИС,
американская писательница

МИСТЕР СМЕРТЬ И РЫЖЕВОЛОСАЯ ЖЕНЩИНА

Рассказ

Рис. И. АЙДАРОВА

Мистер Смерть прискакал из долины на своем белом жеребце, он стрелял из всех своих пистолетов — бах, бах, бах,— так что мы сначала подумали, что это какой-то ковбой опять упился. Мы, ребята, все ужас как перепугались, да и взрослые тоже струхнули, только они-то его знали лучше.

Но в этот день он за одним Весельчаком Билли Бэнтри пришел, за тем самым Билли, по которому у нас все девушки сохли. И он только чуть дотронулся до Билли, так что Билли не умер сразу, а лежал весь в холодном поту и жутко мучился от пули, которую всадил ему в живот пьяный ковбой, когда они лихо резались в карты.

Многие девушки в нашем городе все глаза себе выплакали, когда узнали, что бедняга Билли лежит и умирает. Билли — он ведь у нас красавец был и не одну девушку с ума свел. Но больше всех плакала и убивалась по нему красотка Мод, веснушчатая и рыжая Мод Эпплгейт.

А ухаживать за Билли взялась старая Мэри-индианка, и лечила она его припарками и всякими лечебными травами. Но там, где любая черноволосая девушка будет сидеть и убиваться, рыжая всегда что-нибудь да придумает. Вот и Мод тоже не растерялась. Поплакала она, поплакала, да и решила, что хватит уж сидеть сложа руки, вытерла глаза нижней юбкой, оседлала отцовскую пегую лошадку и поскакала вслед за мистером Смерть.

И вот едет Мод Эпплгейт по горам и по долам, по коровьей стране в овечью страну, по овечьей стране в индейскую страну, по индейской стране на высокие горы, и тут-то и догнала она наконец мистера Смерть. И было это в миле от старой избушки, где жил он со своей бабушкой на самом краю леса.

Мод отдышалась и громко так закричала:

— Эй, мистер Смерть, подождите меня! Подождите меня, мистер Смерть!

Тут мистер Смерть остановил своего белого жеребца и огляделся по сторонам, ища, кто же это осмелился его позвать.

— Эй, чего ты хочешь, милочка? — спросил он у Мод, когда она подъехала поближе.— Разрази меня гром, красотка, через какие заросли ты продиралась?

— Ох, мистер Смерть! — говорит Мод, тяжело дыша.— Ехала я по горам и по долам, по коровьей стране в овечью страну, по овечьей стране в индейскую страну, по индейской стране на высокие горы, и хочу я у вас спросить, не отпустите ли вы Весельчака Билли Бэнтри, суженого моего?

И тут мистер Смерть как откинет голову, так что его черное сомбреро свалилось назад и повисло на тесемках, да как захохочет.

— Ну и ну! — говорит мистер Смерть.— Сколько лет живу, а такого не видывал.

Но Мод Эпплгейт не зря ехала по горам и по долам, не зря она терпела голод и жажду, не зря чуть до смерти не загнала отцовскую пегую лошадку; да к тому же Мод была рыжей, а рыжая никогда не позволит над собой насмехаться. Подбоченилась она да как начнет ругать мистера Смерть. В моих краях, говорит, ни один джентльмен не станет смеяться над леди, коль она в беду попала, и уж пусть мистер Смерть ведет себя прилично, и кто только его воспитывал? Уж коли на то пошло, любой грязный пьянчужка и то лучше обращается с дамой. Да провалиться ей на этом месте, если это не так.

Ну тут мистер Смерть перестал смеяться, сидит на своем коне как вкопанный, слушает ее, и только глаза у него блестят. И когда Мод совсем выдохлась, достал он не спеша свой кисет, отсыпал табачку и скрутил цигарку.

— А что ты мне дашь за Весельчака Билли Бэнтри? — спросил он.

Но Мод была девушка гордая. Она и вправду разобиделась на мистера Смерть. Тряхнула она своей рыжей гривой и губы этак вот скривила. Я, говорит, о делах до тех пор не буду разговаривать, пока лицо не умою и не поем чего-нибудь. Ехала я по горам и по долам...

— Ну ладно, ладно,— говорит мистер Смерть.— Езжай сейчас за мной, а как приедем ко мне домой, моя бабушка позаботится о тебе.

И поехали они, Мод и мистер Смерть, вверх по горе, и мистер Смерть все придерживал своего белого жеребца, чтобы тот не сильно опережал вконец уставшую пегую лошадку. Ехали они, ехали и подъехали к старой избушке, из трубы которой шел дым. И видят, что в дверях стоит старая бабушка мистера Смерть и рада-радешенька, что наконец-то к ним кто-то в гости пожаловал.

— Ну заходи, заходи, душенька! — закричала она, не успели они еще и к дому подъехать.— У меня уж и обед готов, и чайник на огне стоит. Заходи, милая, отдохни с дороги!

И подъехали они к дому поближе, и мистер Смерть соскочил со своего белого жеребца и стал помогать Мод сойти с лошади. И когда обхватил он ее за талию, чтобы спустить на землю, пальцы его сошлись у нее на спине, до того у нее талия тонкая была.

— Ну до чего хороша, моя душенька! — приговаривает старая бабушка, а сама так и ковыляет вокруг со своей клюкой, ну прямо как птица с подбитым крылом. Проводила она Мод внутрь, дала ей воды умыться и костяной гребень, и достала она из своего старого, медью окованного сундука чудесную шелковую шаль и накинула ее на Мод. И когда мистер Смерть, покормив лошадей, пришел со двора, увидал он, что

Мод сидит, хороша, как ангел, и попивает себе тихонько чай.

Да, наша Мод была себе на уме, знала, с какого конца за дело взяться, и скоро — и часа не прошло,— как мистер Смерть и его бабушка со смеху покатывались над ее рассказами о наших краях.

Но скоро мистер Смерть стал зевать и носом клевать.

— Наездился я сегодня,— говорит он своей бабушке.— Два раза пришлось вокруг света объехать и обратно, дай-ка я положу тебе голову на колени да сосну часок-другой.

Сказал он так и скоро уж и захрапел. И как он заснул, стала его бабушка у Мод расспрашивать, кто она такая, да откуда к ним приехала, за чем ее так далеко занесло. Ну и рассказала ей Мод все о Весельчаке Билли Бэнтри, суженом своем. Выслушала ее бабушка.

— Да,— говорит,— жалко мне, что сердце-то твое уже занято, очень уж ты на меня молодую похожа. Будь моя воля, посватала бы я тебя за своего внучка. Я-то уж стара стала, и хотелось бы мне женить его перед смертью. Ты девушка молодая, красивая собой, неглупая, и сдается мне, ты и колдовать малость умеешь. Правду я говорю?

— Ну что ж,— честно отвечает ей Мод,— врать не буду.

— А как ты колдуешь, внучка,— спрашивает бабушка,— белым колдовством или черным?

— Да и тем и другим,— отвечает Мод.— Раз заколдовала я своего брата, чтобы он арифметику сдал, а раз проповедникову жену заколдовала, чтоб она на свои шнурки наступила и в конскую бадью свалилась.

И снова вздохнула бабушка мистера Смерть.

— Неплохо для начала, внучка,— сказала она.— И вот послушай меня, старую, негоже такой девушке знаться с шалопаем, которого любой пьяница может пристрелить за карточным столом. Но сердцу не прикажешь, раз уж ты твердо стоишь на своем, помогу я тебе. Слушай же: вскоре после того, как Смерть уляжется вздремнуть, начнет он во сне говорить, и тогда может он ответить на три любых твоих вопроса, а потом проснется. Ну так что мне за тебя спросить?

— Спроси его,— не задумываясь, отвечает Мод,— чего он хочет за жизнь Весельчака Билли Бэнтри?

— Это один вопрос,— говорит бабушка Смерти,— ты можешь спросить три. Какие у тебя еще вопросы?

Тут Мод призадумалась, а потом и говорит:

— Спроси его, зачем он взял мою младшую сестренку прямо из колыбели?

— Хороший вопрос, внучка,— говорит бабушка.— Ну, теперь последний.

Тогда Мод Эпплгейт склонила свою рыжую голову к рыжему огню и долго так сидела молча, а потом тихо-тихо сказала:

— Спроси его, что он делает, когда ему одиноко?

Ничего не сказала ей на это бабушка, и стали они так сидеть в тишине и ждать, пока Смерть не заговорит во сне. И когда он заговорил, бабушка схватила прядь его черных как смоль волос и тихонько так стала его дергать.

— Скажи-ка мне, сынок,— сказала бабушка, наклонившись к его уху,— чего ты хочешь за жизнь Весельчака Билли Бэнтри?

Тут Смерть весь вздрогнул и перевернулся во сне.

— Ох, бабушка,— говорит он,— до чего ж красивая она девушка. Будь кто другой на ее месте, попросил бы я глаз. А не глаз, так десять лет жизни. Но у нее я попрошу прокатиться со мной два раза вокруг света, а потом поцеловать меня в губы.

Услышав это, Мод затаила дыхание и откинулась на спинку стула.

— Ну что ж, сынок,— говорит бабушка,— вот тебе второй ее вопрос. Зачем ты взял ее младшую сестренку прямо из колыбели?

И снова Смерть вздрогнул и перевернулся во сне.

— Больная она была,— ответил он.— Везде у нее болезнь сидела. Ну я и взял ее, чтобы ей не пришлось плакать больше.

Тут Мод наклонила голову и глаза рукой закрыла.

— Ну, сынок,— говорит бабушка,— и последний ее вопрос. Что ты делаешь, когда тебе одиноко?

Вздохнул тут мистер Смерть тяжело, застонал во сне и отвернул голову от огня. Долго он шептал и бормотал невнятно, а потом сказал тихо:

— Я тогда смотрю в людские окна, как люди засыпают рядом и во сне друг друга обнимают.

И с этими словами он проснулся, зевнул и сказал:

— Черт подери, ну и поспал же я!

И надо вам сказать, что хоть у мистера Смерть и его бабушки работа была такая, были они люди веселые. И вот вечером решили они Мод повеселить, и так они разошлись, что Мод чуть и про дом не забыла. Бабушка стала рассказывать, как люди жили в старое доброе время, а потом достала бутыль черносмородиновой наливки, а мистер Смерть так лихо наигрывал на скрипке, что Мод не утерпела, вскочила со стула, подобрала юбки и давай плясать. Долго они так веселились, и было уже далеко за полночь, когда бабушка мистера Смерть проводила Мод до ее кровати, застланной чистым бельем, и уложила спать рядом с собой.

Рано утром бабушка перечинила и перегладила всю одежду Мод и завтрак им приготовила для дальней дороги: каши овсяной, ветчины и по чашке кофе. И когда мистер Смерть привел своего взнузданного и оседланного белого жеребца и стали они со старушкой прощаться, у той аж слезы на глаза навернулись, так ей было жаль с Мод расставаться.

— Ну, прощайте,— говорит Мод.— Спасибо вам за стол и кров, и если бы не Весельчак Билли Бэнтри, вот ей-богу, вовсе бы от вас не уезжала.

Тут подхватил ее мистер Смерть, посадил ее на своего белого жеребца, а сам уселся спереди, и поскакали они со снеговых вершин да прямо в небо, и чудно было Мод Эпплгейт, что скачет она за спиной у мистера Смерть, обхватив его двумя руками за пояс, и не холодно ей ни чуточки, а совсем даже удобно.

Да, то-то было путешествие! Мистер Смерть своего коня то на грозовые тучи направит, что как горы высятся, то на пастбища небесные, где маленькие тучки со своими толстыми белыми мамашами пасутся, а папаша — большой такой, черный,— их у края стережет. То поскачет по полям, где звезды растут, чтобы Мод сорвала парочку и свои рыжие волосы украсила. А раз прямо к луне подлетели, и когда Мод руку протянула и дотронулась до нее, луна ей такой холодной показалась, словно снег, и скользкой такой. К солнцу-то они не могли близко подобраться, а то оно бы их сожгло, так ей мистер Смерть объяснил.

Но мистеру Смерть надо было еще и делом заняться: вокруг света два раза объехать, и вскоре направил он своего коня через необъятный океан. Обернул он Мод в свой плащ-невидимку, и стал он ее возить по разным городам да по разным странам — туда, где китайский народ живет, и русский, и японский, и африканский, и люди, которые отродясь и слова-то на нормальном английском сказать не могут. Показал он ей и замки, и грязные хибарки, каких даже в огромном штате Техас не сыщешь; показал и королей, и принцесс, и бедный люд, а может, она просто и глаз-то не открывала, кто знает! Но что ей сразу видно стало, так это то, что, стоило только мистеру Смерть где появиться, все, кто был жив-здоров, начинали плакать и стонать, но увидеть самого мистера Смерть они не могли, ну а те, кто умирать собрался, те, наоборот,— вставали и улыбались ему, будто был он им лучший друг. И как ни кинь, всем он угождал, и Мод, видя это, радовалась про себя. И пока они так ездили, мистер Смерть много разных историй про свои странствия рассказал Мод Эпплгейт, и ей стало ясно, что он человек серьезный, а не пьяница или бабник какой, и не только о лошадях потолковать может.

А когда они уж совсем домой собрались и последний круг проезжали, мистер Смерть поскакал прямо над океаном и показал Мод Эпплгейт, как в океане киты играют: плыли они, рассекая чистые зеленые воды, ну просто как стадо бизонов по травянистой равнине. Потом пролетел он над Северным полюсом, чтоб посмотрела Мод на полярных медведей, которые все сплошь были белые, только нос чернел. И крокодилов египетских показал он ей, плывущих вниз по Нилу, и тигров индийских, и все эти дикие твари, все ходили парами. И жалко стало Мод Эпплгейт мистера Смерть, жалко ей стало, что на всем белом свете только он один-одинешенек.

Но вот настало время им возвращаться домой, и поскакали они по равнине

прямо к нашему городу, вот уже и дым из труб поднимается в бледно-голубое небо, вот проехали они по главной улице мимо магазина Тарбелла, мимо конторы Уэллса Фарго и остановились перед салуном «Синяя птица».

— Эй, зачем это мы тут остановились? — удивилась Мод Эпплгейт, но мистер Смерть ей говорит:

— Подожди. Сейчас увидишь,— и из седла выскакивает.

Потом поднял он Мод и спустил ее со своего белого жеребца на землю, завернул ее в свой плащ-невидимку и говорит:

— Ну а теперь пришло время для второй половины нашей сделки.

И вот стоит Мод, глаза закрыла, ни жива ни мертва, и ждет, что сейчас он ее поцелует. Ждала она, ждала, а ничего не происходит. Тут она глаза открыла, и мистер Смерть ей говорит:

— Нет, Мод, мы не так договаривались — ты сама должна меня поцеловать.

И вот попросила Мод его наклониться, а когда он наклонился, ей хочешь не хочешь, а пришлось его поцеловать. И может, думала она, что будет его поцелуй холодным, а может, думала, что будет он жуть каким страшным,— этого я вам не скажу, сам не знаю, но то-то она удивилась, когда увидела, что руки-то ее уже его за шею обнимают, и, бог их знает, как это они туда попали, а губы ее уже на его губах, и готов вам поклясться, что это мистер Смерть, а не она, отстранился первым и тихо так и мягко ей говорит:

— Ну, теперь беги, Мод. Твой Весельчак Билли Бэнтри, твой суженый, сидит сейчас в салуне.

Тут снял он с Мод свой плащ-невидимку, и больше она его видеть не могла, только услышала, как его шпоры позвякивали, когда он уходил прочь, и осталась она одна стоять перед салуном, а там в окне сидит ее суженый Весельчак Билли Бэнтри и попивает виски, а рядом с ним целый выводок девиц, из тех, что не стесняются по салунам шляться. И тут сердце Мод так переполнилось, что того и гляди лопнет, и сама она толком не знает, чего ей больше хочется: то ли схватить палку потолще, ворваться в салун и отколотить своего суженого, то ли сгореть со стыда или сквозь землю провалиться. И тут увидала она, что отцовская пегая лошадка, вычищенная и оседланная, стоит привязанная к двери салуна. Она уж было собралась вскочить на нее и убраться домой, пока никто ее не видел, но тут, как назло, Весельчак Билли Бэнтри заметил ее в окошко и выкатился на крыльцо, важный такой, будто и не он лежал недавно при смерти.

— Что я вижу,— говорит он,— уж не Мод ли это Эпплгейт ждет меня перед салуном? Где ты пропадала, детка? Ты, говорят, уезжала?

Чувствует Мод Эпплгейт, что щеки у нее как огнем горят. И отвечает ему тут же:

— А ты, говорят, был нездоров?

— Это точно,— говорит Билли и даже головой трясет.— Нездоров и уж совсем умирать собрался, кабы не старая Мэри-индианка со своими припарками и травами, это она меня вылечила!

Ну уж этого Мод Эпплгейт не могла стерпеть. Скакала она по горам и по долам, из коровьей страны в овечью страну, из овечьей страны в индейскую страну, из индейской страны на высокие горы, чтобы помешать мистеру Смерть забрать Весельчака Билли Бэнтри, ее суженого, она два раза вокруг света объехала и обратно и целовалась с незнакомым мужчиной — и все ради этого лошадника, этого пьянчужки, этого картежника и повесы, вы только поглядите на него: стоит и смотрит на нее, будто она созревший персик, а ему стоит только руку протянуть. Мод так разозлилась, что слезы чуть не брызнули у нее из глаз, но она взяла себя в руки: нет, рыжая женщина по всяким пустякам плакать не будет, она сделает кое-что получше.

Тут она как раз увидела Пэпа Тарбелла, который, свесившись через перила, стоял на крыльце своего магазина, и Мод быстренько произнесла одно из своих заклинаний. И только Пэп сплюнул табачную жвачку, как Мод своими заклинаниями направила ее прямехонько Весельчаку Билли в глаз. И пока тот стоял и ругался на чем свет стоит, так что любая леди убежала бы, зажав уши, Мод отвязала свою пегую лошадку и поскакала прочь. Она пришпорила бедную лошадку так, что та понеслась, как ветер, по городским улицам, только пыль поднялась столбом. И поскакала Мод по горам и по долам, из коровьей страны в овечью страну, из овечьей страны в индейскую страну, из индейской страны на высокие горы, пока не увидала она мистера Смерть на своем белом жеребце.

И тут она закричала:

— Эй, мистер Смерть, подождите меня! Подождите меня, мистер Смерть!

И мистер Смерть услыхал ее, повернул и поскакал назад, хотя до сих пор никто не мог бы похвастаться, что сумел повернуть смерть,— и подхватил он ее с пегой лошадки, пересадил на своего белого жеребца, крепко-прекрепко ее обнял и от души поцеловал, а потом и говорит:

— Вот уж бабушка обрадуется, когда снова тебя увидит.

А Мод Эпплгейт отвечает:

— Терпеть я этого подглядывания в окна не могу, и не бывать больше этому.

Ну вот и зажила с тех пор Мод Эпплгейт весело и счастливо с мистером Смерть, и сдается мне, что и до сих пор живет. Слышал я, что стала она ему в его работе помогать, и когда мы еще малышами были и по вечерам начинали хныкать и в кровать не хотели идти, матери наши, бывало, нам говорят:

— А ну-ка, детка, угомонись, закрой глазки, сейчас придет к тебе Мод Эпплгейт и споет колыбельную.

И так оно и было. Я сам слышал.

Перевела с английского
Г. КЛЕПЦЫНА

В прошлом году в № 8—12 «Ровесник» напечатал журнальный вариант книги английского писателя Хантера Дэвиса «Авторизованная биография «Битлз», вышедшей в 1968 году. В нем, естественно, ничего не говорилось ни о распаде группы, ни о последующей деятельности ее участников.

В дальнейшем, следуя за событиями, связанными с бывшими «Битлз», Хантер Дэвис дважды дописывал свою книгу. Публикуемый отрывок взят из последнего издания.

ПОСТСКРИПТУМ 1978 ГОДА

Распад

Десять лет назад, когда я заканчивал эту книгу, я тщательно избегал всякого рода прогнозов. Перед моими героями, казалось мне, так много разных возможностей: новые фильмы, новые песни, новые творческие проекты. Да, уже тогда они начинали понимать, что у каждого есть свой собственный путь, есть своя собственная жизнь, но ни на миг я не мог и помыслить, что

ДОПОЛНЕНИЕ К "АВТОРИЗОВАННОЙ БИОГРАФИИ "БИТЛЗ"

Хантер ДЭВИС,
английский писатель

распад неминуем. И уж конечно, я не мог даже и представить, что конец «Битлз» будет сопровождаться хаосом, финансовыми дрязгами, нелепыми упреками, детскими обидами, ссорами из-за пустяков, короче, вульгарной грызней. И если взлет их многие называли феноменальным — надеюсь, мне удалось это показать,— то конец был весьма и весьма банальным: никогда я не думал, что Леннон и Маккартни опустятся до таких отношений.

Как все истории подобного рода, они в общем-то недостойны пересказа. Отчеты о «разделе имущества», о том, кому кто должен, наводняли газеты, и многие обозреватели именно в исках «Битлз» друг к другу видели причины распада. Но то был лишь результат: причина была в другом. В чем же?

Сами «Битлз» не могут дать удовлетворительных объяснений. Так, Пол обвиняет трех остальных, эти трое возлагают вину на Пола. Они даже не могут сойтись во мнении, кто покинул «Битлз» первым. А мне кажется, что распад — очень долгий процесс, и начался он давным-давно. Я понял это, когда перечитал свою книгу, хотя не могу сказать, что понимал это, когда ее писал...

«Битлз» начали переставать быть «Битлз» еще в 1966 году, когда они отошли от непосредственной концертной деятельности и отправились каждый в свою собственную жизнь. Теперь песни, подписанные «Леннон—Маккартни», уже не были теми общими песнями, которые они сочиняли где-нибудь на заднем сиденье везущего их на концерт автобуса. Они приходили в студию каждый со своим уже почти готовым материалом, и хотя и раньше поклонники распознавали, какая из песен сделана в основном Маккартни, а какая Ленноном, теперь, даже если под песнями стояла их общая подпись, было ясно, что пишут они порознь. Впервые это стало заметно в альбоме «Сержант Пеппер».

В конце концов в подобной работе нет ничего дурного, и все было бы прекрасно, если б они по-прежнему оставались близкими друзьями, но начались ссоры, порожденные обыкновенной скукой и усталостью. Еще в 1968 году Ринго заявил, что не будет работать над двойным альбомом, который так и назывался «The Beatles». Он сказал, что ему осточертело быть их ударником. Понаблюдав за тем, как они работали в студии, можно было понять его состояние. На концертах он был полноправным членом группы, чувствовал свою необходимость, равноценность, в студии же на него просто не обращали внимания: все решали между собой Джон и Пол. И в один прекрасный день Ринго объявил, что выходит из игры. Его заставили вернуться.

Когда готовили «Let it be» [1], о желании уйти (после бурной ссоры) заявил Джордж. Раньше он тоже вносил свою долю песен, хотя и не такую большую, как Джон и Пол, а его увлечение индийской музыкой повлияло и на них. Но Джордж всегда меньше других был захвачен ролью «одного из «Битлз», у него были и другие интересы, в частности та же индийская культура. Заставили вернуться и его.

В эти последние годы, с шестьдесят седьмого по шестьдесят девятый, столпом группы стал Пол. Он побуждал их к сочинительству, он весь бурлил новыми идеями — по поводу новых фильмов, по поводу роста их корпорации «Эппл». Вот ему нравилось быть «одним из «Битлз», и он не хотел никаких перемен. Мы виделись с ним в шестьдесят восьмом, он говорил, что хотел бы снова выступать с группой перед публикой. Нет, гастроли ему надоели так же, как и остальным, но он тосковал по живому контакту с аудиторией, по песням, которые играют «целым куском», от начала до конца, по непосредственному отклику слушателей. Он хотел возродить что-то из того веселья и удовольствия, которое доставляли им их ранние дни. Джордж был категорически против. Остальные не говорили ни да ни нет.

Джон тогда позволил Полу вести группу за собой: он устал быть «битлом», но ничего лучшего придумать для себя он не мог. Жизнь стала привычкой. Так же, как и его брак. Цинтия, и она сама признавала это, никогда не была по-настоящему настроена на его волну. Она знала, что Джон всегда любил «Битлз» больше, чем ее, но они столько лет были вместе! Обоим было тоскливо, но что поделаешь...

И тогда появилась Йоко Оно. Наконец он нашел близкого человека, и человека необыкновенного! Джон мгновенно воспрянул духом. У него появились новые идеи, и вдруг он понял, что Пол, который всегда был его самым лучшим другом, его единственным наперсником,— обыкновенный, слишком обыкновенный, такой же, как и Цинтия. Джон и Йоко открывали друг друга, и вместе они открывали для себя новые горизонты, новые, все поглощающие цели. Остальные «Битлз» уже мало что значили для Джона. Когда приходил Пол с проектом, скажем, нового телевизионного шоу, Джону уже было неинтересно.

Йоко вошла в жизнь Джона и в его работу, она присутствовала во время записи их последних вещей. Остальным не нравилось ни ее влияние на Джона, ни то, что она постоянно торчала в студии. Джордж и Ринго говорили об этом довольно громко.

Тогда же Пол встретил Линду Истман. Я наблюдал за ними и был поражен: мне всегда казалось, что Полу меньше всего нужна кроткая и любящая поклонница, но потом я понял, что Пол устал от резкости, жестокой честности Джона, ему нужен был кто-то, кто поддерживал бы его во всем.

Линда явилась вовремя. Она убедила Пола, что он сам может управлять своей жизнью, что он может сам достичь всего, что хочет. Таким образом она сделала его соперником Джона. И когда начались споры вокруг раздела «Эппл», Пол и Джон оказались под влиянием своих новых и весьма энергичных подруг.

А тут еще такая история. После смерти Брайана Эпштейна финансовые дела «Битлз» были в несколько запутанном состоянии. Создание «Эппл» повлекло за собой новые сложности, и нужен был кто-то, кто занялся бы их делами. Джон и Йоко предложили американца Аллена Клейна (по образованию он был бухгалтером), Джордж и Ринго были за, Пол — против. Он хотел ввести в дело Ли Истмана, известного нью-йоркского юриста, который к тому же был отцом Линды. Остальные решили, что Пол просто проталкивает своего родственника, что немало огорчило Пола: «Я думал, вы знаете меня лучше!» Именно появление Клейна и стало тем поводом, который окончательно и официально повлек за собой распад «Битлз». И когда Пол решил выйти из «Эппл», выяснилось, что он должен высказывать финансовые претензии не Клейну, а Джону, Ринго и Джорджу. Тогда стало по-

[1] *Пластинка «Let it be» была записана в 1969 году, но вышла через год.— Примеч. пер.*

нятно, что никто из «Битлз» не принадлежит сам себе. Напротив: все вместе они, включая их песни, принадлежат другим людям и другим компаниям. Пол утверждал, что хотел свободы не только для себя, но и для остальных. Остальные считали Пола основным виновником всех неприятностей.

Но уже тогда, в семидесятом, они понимали, как много теряют. Они так долго жили единой жизнью, и, хоть сознавали, что когда-то у них начнется своя, взрослая жизнь, они ее себе не представляли.

ПРОШЛИ ГОДЫ

Ринго

Ринго выпустил несколько очень симпатичных, вполне «поп»-альбомов и синглов, удачно избежав искушений заумью и экспериментаторством. Сыграл в нескольких фильмах, в большинстве играл просто самого себя. Начал учиться играть на гитаре, но не слишком преуспел. Потом вроде решил заняться дизайном.

Он приобрел старинную усадьбу (местные власти обеспокоены: усадьба считается исторической ценностью, но Ринго отнюдь не содержит ее в образцовом порядке). Развелся, женился снова, разъезжает между Англией и Америкой.

К удивлению многих, в последние годы он стал сам писать песни. Хотя он и раньше пел кое-какие вещи в своих альбомах, но это были песни Джорджа, Пола или Джона. Для альбома 1976 года «Ротагравюра» он написал три песни, для альбома 1977 года, «Ринго IV»,— уже шесть. У него теперь своя фирма грамзаписи, «Ринго рекордз», он собирается выпускать по альбому в год и писать (в соавторстве, конечно) все больше и больше. Его песни не из тех, что могут потрясти мир, но они понятны, симпатичны и добры. Как и сам Ринго.

Джордж

Джордж тоже поменял несколько адресов, тоже развелся, сейчас ведет жизнь полуотшельника. Сразу после распада, в семидесятом, он выпустил альбом «Все должно миновать», который получил очень хорошие отзывы, так же как и его следующий альбом «Концерт для Бангладеш». Ему тоже пришлось побегать по судам, в частности его обвиняли в плагиате: он якобы использовал для своей знаменитой песни «My sweet Lord» мелодию другого композитора. В следующей песне он описал эту историю и сделал ремарку, что данная вещь не нарушает ничьих авторских прав. Он продолжает заниматься медитацией, вегетарианством и восточной философией.

Хотя Джордж заявлял, что он никогда больше не будет гастролировать, в семьдесят четвертом он все же предпринял турне по США, прошедшее без большого успеха. В основном его упрекали в излишнем экспериментаторстве, но, думаю, публика просто была разочарована, потому что он не пел ни одной песни «Битлз». Как всегда, Джордж смело смотрит в будущее и не боится идти вперед. Он до сих пор не решил, считать ли время, проведенное в «Битлз», проклятым или же благословенным.

У него тоже есть своя студия, «Темная лошадка».

Пол

После распада Джордж и Джон неоднократно резко высказывались о Поле (хотя в конце концов пришли к выводу, что насчет Клейна Пол был прав). Но больше они прохаживались не по поводу личности Пола, а по поводу его новой сольной карьеры. Оба весьма самостоятельные и весьма бескомпромиссные в суждениях, они всегда чуть свысока смотрели на Пола, считая его «обаяшечкой», человеком, слишком зависящим от чужих мнений. Джордж называл послебитловские песни Пола чересчур «аккуратненькими». Джон высказывался о них грубее.

Начало самостоятельной карьеры Пола было весьма бурным. Его жена Линда никому не нравилась, и никто не принимал этот брак всерьез. Пол взял на себя основную тяжесть судебных разбирательств, за это его невзлюбили поклонники, ошибочно считая его главным виновником распада группы. В начале семидесятых он тоже удалился от дел — тогда среди суперзвезд была такая мода. Ходили даже слухи, что он умер. На самом деле он сидел взаперти на своей ферме в Шотландии.

«Я чувствовал себя ужасно. Меня обвиняли во всех смертных грехах, но, думаю, мы все в то время вели себя не лучшим образом. Я звонил Джону, и он вешал трубку, я звонил Джорджу, и он отвечал мне отнюдь не так, как учит восточная философия».

Он писал песни для других исполнителей, делал музыку к фильмам, но потом понял, что единственное, что он на самом деле любит,— это играть в группе. Поэтому вместе с Линдой (у которой не было никакого музыкального опыта) он решил организовать группу «Уингз». Поп-мир страшно по этому поводу смеялся.

Они начали потихоньку, выступали в университетских кампусах (что тем не менее настраивало критиков на юмористический лад, они охотно прохаживались насчет невыразительного голоса Линды и смелости, с которой она вторглась в музыкальный мир). Одна из первых пластинок «Уингз» называлась «У Мэри есть барашек», и ее трудно назвать достижением. Джон уподобил Пола певцу Энгельберту Хампердинку, идеалу стареющих дамочек (сравнение оскорбительнее придумать было трудно).

И все же мало-помалу «Уингз» набирали высоту. Во время концертов Пол не гнушался исполнять старые песни «Битлз», а альбомы «Оркестр в движении» и «Венера и Марс» вышли на первые места в списках популярности, в чем-то повторяя успех альбомов «Битлз». Турне по США 1976 года показало, что, несмотря на Линду, «Уингз» все же очень и очень неплохая группа.

Возможно, новые песни Пола никогда не достигнут высоты «Вчера» или «Элеанор Ригби», но в коммерческом отношении Пол преуспел больше остальных «Битлз». Конечно, его вещам теперь не хватает остроты, которую придавал Джон. Но Джон мог забросить начатую песню просто потому, что она ему надоела, а Пол в отличие от трех своих бывших коллег всегда был самым неленивым.

Пол по-прежнему консервативен, не любит перемен, всячески афиширует свою счастливую семейную жизнь (что дает Джорджу дополнительный повод для шуток)...

Что касается остальных персонажей этой истории, то Нил Аспинал, их дорожный менеджер, стал продюсером и ведет вполне размеренную жизнь с женой и пятью детьми. Того нельзя сказать о Мале Эвансе: он окончил жизнь трагически — был убит в Лос-Анджелесе во время столкновения с полицией. Умерли отец Пола, отец Джона, умерла и Луиза Харрисон, самая горячая и верная поклонница сына. Джордж Мартин стал преуспевающим независимым продюсером, хотя в его «конюшне» и нет никого уровня «Битлз».

Будут ли они когда-нибудь опять вместе? Прошли годы, после всех бурных ссор они помирились друг с другом, хотя прежнего единства нет. Они не ищут встреч, но, когда дорожки их пересекаются, не избегают друг друга. Теперешние их отношения напоминают отношения прежних одноклассников, которые на выпускном вечере клялись в верности за школьным порогом, но годы оставили мало общего, кроме воспоминаний о прежних шалостях. Разные менеджеры и устроители концертов неоднократно предлагали им бешеные деньги за совместные выступления, но предлагавшие прекрасно понимали, что ничем не рискуют: экс-«Битлз» наверняка не согласятся. Во время «мертвых сезонов» рассказы о подобных предложениях оживляют газетные страницы...

Может, они когда-нибудь еще и сыграют вместе. Но сочинять вместе, а это было лучшее в их творчестве, они уже не смогут. Слишком много времени утекло. Пол и Джон стали совсем другими людьми, их теперешняя музыка слишком «разная», и кто знает, хорошо это или плохо. То, чем они были вместе, то, как соединялись, смешивались их личности,— это было нечто большее, чем просто сумма отдельных талантов, составлявших «Битлз». Это были «Битлз» — единое целое, которое никогда не будет заменено каждым из них по отдельности.

Меня все же не покидает надежда, что когда-нибудь они еще сыграют вме-

сте, хотя бы разочек. Я вспоминаю, как еще в разгар «битломании» они любили рассказывать о своих первых годах в Гамбурге и Ливерпуле, о той радости, веселье, которые они дарили друг другу и людям, о той счастливой детской беззаботности. То было их отрочество, а люди никогда не забывают свои ранние годы. Они по-прежнему любят свои ранние песни, они по-прежнему любят «Битлз» — тех, которые еще не стали «Великими «Битлз». И поэтому мне кажется, что когда-нибудь они встретятся вновь — пусть это будет и очень частная встреча, узкая встреча в кругу четырех, таких знакомых друг другу лиц...

И они встретились. Трое из них. После того, как был убит Джон.

ПОСТСКРИПТУМ 1980 ГОДА

Джон

Странно, ведь он всего лишь играл на гитаре и пел. И все же 8 декабря 1980 года не было в мире уголка, где бы не прозвучали слова: «Убит Джон Леннон».

Как бы мы ни относились к факту такого внимания — он существует, и точка. Мы уже привыкли к феномену, называемому «современная молодежная музыка». Но только после смерти Джона мы осознали, что личность его была чем-то большим, нежели его музыка.

Есть два Джона Леннона: американский и английский. То есть отношение к нему, понимание его в Англии и в США было разным. В Британии мы считали его символом юности и радости, частью движения, которое тем не менее не несло в себе какого-то четкого политического заряда. В Америке он стал частью образа жизни, духовным лидером ищущих и не находящих смысла молодых людей, хотя на какой-то период сам и уходил от активной общественной жизни.

Общим знаменателем была музыка. Без музыки не было бы и аудитории, хотя сама музыка в любой части света воспринималась одинаково — с радостью. В Британии мы видели в «Битлз» что-то новое, волнующее и необычное, веселых ребят, которые сохранили свой ливерпульский акцент и свой взгляд простых нормальных парней, выходцев из рабочего класса. Это была настоящая английская популярная музыка — ведь «Битлз» появились тогда, когда нашу популярную музыку захватили американцы. А они пели о наших, английских делах, они пели о нашей собственной юности, они вернули нам возможность быть молодыми, и повсюду — в моде, в книгах, в кино, в деловой жизни — на молодых снова стали обращать внимание: они громко заявили о том, что у юности тоже есть свои права и проблемы.

Они породили новый язык, на котором стали общаться молодые, новый подход к авторитетам, они вернули нам самоуважение и юмор. Они показали всему миру, что Великобритания — это не только остров пыльных чудаков-чиновников и лицемеров, что в нашей стране есть еще свежие и молодые силы, ищущие перемен и способные их совершить. А это тешило наше национальное самосознание.

Но в Америке все было гораздо серьезней. Там серьезные ученые мужи всерьез анализировали тексты их песен, в особенности тексты Джона. А юноши искали в его песнях советов, как жить. «Все, что вам нужно,— это любовь», «Власть народу», «Дайте миру шанс»— простые слова, простые мысли, но они стали лозунгами того поколения.

В Британии его не воспринимали как гуру, духовного наставника, относились к нему скорее с юмором, которому он сам учил нас. В Америке его борьба за мир, его работа за мир имела огромное значение. Конечно, нельзя сказать, что именно он «дал миру шанс», но он был живым голосом массового движения за мир.

Да, среди его последователей было много странных, полоумных людей, и идеи, высказанные в его песнях, получали иногда чудовищную интерпретацию. Банда убийц Мэнсона, терроризировавшая Лос-Анджелес, распевала «Волшебное таинственное путешествие», когда вершила свои черные дела. Единственная книга, найденная у Мэнсона во время ареста, была моя «Авторизованная биография «Битлз». А человек, убивший Джона, тоже был его яростным поклонником.

Убив Джона, он убил и «Битлз». Возрождение теперь невозможно. Джон был их лидером с самого начала, он был самым оригинальным, самым необычным из них. Да, Пол был столь же одарен музыкально, возможно, его дар был даже более ярким и естественным, но Джон был их мыслью. Он был не просто старше Пола и Джорджа — он был более взрослым, он видел все четче и дальше их.

Время, конечно, сотрет следы их влияния на умы. Одежды «а-ля «Битлз» истлеют, и вспоминать их будут разве при обсуждении, какими были шестидесятые годы нашего века в Великобритании и Америке. Шутка Ринго о том, что он хотел бы, чтобы о них написали в школьных учебниках истории, оказалась провидческой.

Но сотни песен, подписанных «Еще одно произведение Леннона—Маккартни», останутся даже тогда, когда забудутся их смешные прически, их забавный акцент и даже страшная смерть Джона.

Перевел с английского
А. ТРОИЦКИЙ

Этими словами оканчивается книга Хантера Дэвиса «Авторизованная биография «Битлз». Вы, конечно, заметили, что в переводе главы «Постскриптум 1980 года» часть, рассказывающая о Джоне Ленноне, не полна. Мы сделали так, потому что о своей работе, о своей жизни после распада «Битлз» рассказал сам Джон Леннон в своем последнем большом интервью, данном им в сентябре 1980 года американскому журналу «Ньюсуик», которое будет опубликовано в качестве заключительной главы истории «Битлз» в следующем номере «Ровесника».

В НОМЕРЕ:

Побратимы юных ленинцев Советского Союза — пионеры Чехословакии — отмечают в апреле 1984 года 35-летие своей организации. Этому событию посвящается снимок пионервожатой на первой странице обложки, сделанный чехословацким фотокорреспондентом М. МАРТЫНОВСКИМ по просьбе «РОВЕСНИКА».

Главный редактор: А. А. НОДИЯ
Редакционная коллегия: В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕМОВ, Я. Л. БОРОВОЙ, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ (ответственный секретарь), А. С. ГРАЧЕВ, Ю. А. ДЕРГАУСОВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ, В. Б. МИЛЮТЕНКО, В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (зам. главного редактора), Б. А. СЕНЬКИН, В. Г. СИМОНОВ
Художественный редактор Е. А. Гричук
Оформление И. М. Неждановой
Технический редактор А. Т. Бугрова
Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефон 285-89-78.
Сдано в набор 07.02.84. Подп. к печ. 21.03.84. А00659. Формат $84 \times 108^{1}/_{16}$. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 13,4. Уч.-изд. л. 5,6. Тираж 1 100 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 263. Издательство и типография «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

Вниманию читателей! Если вы хотите получить ответ на письмо, посланное в «Ровесник», просим указывать на конверте перед обратным адресом **почтовый индекс вашего отделения связи.**

«Мать-Земля, когда-то ты была огненным шаром, мать-Земля, которую мы так любим. Для всех, кто живет на ней, для всех, кто еще появится, Земля — это колыбель. И хотя есть еще на ней и тяжкий труд, и горе, и нужда,— она все же наша мать. Что будет с ней, неужели мы допустим, чтобы она вновь превратилась в пылающий огненный шар? Чтобы этого не случилось, нужны усилия тех, кто живет на ней. И пока она вертится, наша Земля, мы все работаем для того, чтобы так было вечно...»

Песня «И все-таки она вертится» — наше очередное задание для тех читателей, которые хотят участвовать в конкурсе «РОВЕСНИКА» на лучший перевод песен, опубликованных на четвертой странице обложки. Напоминаем, что конкурс продлится до июня, а его итоги будут подведены в последнем номере этого года.

Несколько слов о самой песне: впервые она исполнялась в столице ГДР на фестивале «Рок за мир» авторами — участниками ансамбля «Вир» (что в переводе значит «Мы»). Аранжировку для «Ровесника» выполнил С. РЫЖЕНКО.

Wolfgang Ziegler und WIR

1. Nur ein fliegender Feuerball einst,
Mutter-Erde,
Die du liebst und zu kennen meinst,
Alle Sterb' und Werden.
Hier hast du Geborgenheit,
Arbeit, Lust und Not.
Hat das Leben Ewigkeit,
Oder frühen Tod?

Припев:
Und sie dreht sich doch,
Sie bewegt sich noch,
Und wir geben darauf acht,
Dass sie noch lange macht.
Und sie dreht sich doch,
Sie bewegt sich noch,
Dass sie uns für immer hält,
Halten wit die Welt.

2. Dass sie morgen nicht
Endet im All,
Wie sie einst begann,
Als leer glühender Feuerball,
Braucht sie jeden Mann.

Припев.

3. Immer droht dem Friedenstraum
Kalte Gier auf Geld.
Sie verbrannten den Apfelbaum,
Sie vermieten das Feld.
Wieviel Menschen diese Erde trägt,
Nur um diesen Traum,
Dass der Mensch seine Ehre weckt,
Wie der Frühling den Baum.

Припев.

Индекс 70781
Цена 35 коп.